

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н.П., Коломойцев М.М., Липа П.К.,
Моцардо В.И., Мудрагей А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.
Вехов В.Б., д.ю.н., проф.
Георгадзе М.С., д.псх.н.
Германов Г.Н., д.п.н., проф.
Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.
Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.
Дерешко Б.Ю., к.ю.н., доц.
Дмитриев И.В., к.псх.н.
Дворянчиков Н.В., к.псх.н.
Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.
Дьячук И.А., к.соц.н., доц.
Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.
Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.
Караяни А.Г., д.псх.н., проф.
Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.
Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.
Кокурин А.В., к.псх.н., доц.
Котенев И.О., к.псх.н., доц.
Маликов С.В., д.ю.н., проф.
Марченков В.И., д.п.н., проф.
Мишуткин И.В., к.ю.н.
Можгинский Ю.Б., д.м.н.
Мягих Н.И., к.псх.н.
Пашин С.А., к.ю.н., проф.
Поляков С.П., д.п.н., проф.
Попов Д.Г., к.филос.н.
Простяков В.В., к.псх.н., доц.
Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.
Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.
Столяренко А.М., д.псх.н., проф.
Топорков А.А., д.ю.н., проф.
Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.
Цветков Ю.А., к.ю.н.
Эминов В.Э., д.ю.н., проф.
Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., чл.-корр. РАО, заслуженный юрист РФ,
д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

ВЕРСТКА:

Калинина Е.С.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.
Тел.: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный).
Подписные индексы: «Объединенный каталог. Пресса России» — 91913.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Дикарев И.С., Дяченко Д.С. О роли совести
в уголовном процессе..... 3
- Деулин Д.В., Витаделло А., Лябина Е.А.
Психологические аспекты запоминания информации
на печатных и электронных носителях у курсантов
образовательной организации МВД России..... 7
- Казгериева Э.В. Иррациональное судебное
познание..... 12

ПРОБЛЕМЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Шарафутдинова Н.В., Простяков В.В.
Особенности девиантного поведения
в подростковом и юношеском возрасте..... 16
- Агуреева В.А., Митасова Е.В. Психологическое
просвещение как средство развития жизнестойкости
у подростков..... 19

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

- Сафуанов Ф.С., Калашникова А.С.,
Переpravина Ю.О., Чернышков А.Д. Комплексная
судебная психолого-психиатрическая экспертиза
по делам о защите интересов детей: диагностика
психологического индуцирования ребенка..... 22

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Караяни А.Г., Королева И.Н., Волошина Ю.Б.
Психологическая подготовка личного состава
подводных лодок..... 27

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

- Свободный Ф.К. Типичные ошибки
«полиграфологов»..... 34

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес
редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цити-
рования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при
Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора юридических и психологических наук.

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.
Тираж: 1500 экз.
Цена свободная.
Номер подписан: 12.03.2020.
Дата выхода в свет: 18.03.2020.
ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

No. 1 / 2020

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI No. FC77-29367 of August 23, 2007.
Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Jurist Publishing Group

EDITOR IN CHIEF:

Belykh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtsjev M.M.,
Lipa P.K., Motcardo V.I., Mudragay A.I.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., PhD (Law),
Vekhov V.B., LL.D., Professor,
Georgadze M.S., Doctor of Psychological sciences,
Germanov G.N., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Gorlenko V.V., Doctor of Military sciences, Professor,
Gur'yanov Yu.N., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Deresenko B.Yu., PhD (Law), Associate Professor,
Dmitriev I.V., PhD in Psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., PhD in Psychological sciences,
Dozortseva E.G., Doctor of Psychological sciences, Professor,
D'yachuk I.A., PhD in Sociological sciences, Associate Professor,
Zinchenko Yu.P., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Ivankov Ch.T., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Karayani A.G., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Kekelidze Z.I., Doctor of Medical sciences, Professor,
Kovalev O.G., LL.D., Professor,
Kokurin A.V., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Kotenev I.O., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Malikov S.V., LL.D., Professor,
Marchenkov V.I., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Mishutkin I.V., PhD (Law),
Mozhginskij Yu.B., Doctor of Medical sciences,
M'agkikh N.I., PhD in Psychological sciences,
Pashin S.A., PhD (Law), Professor,
Polyakov S.P., Doctor of Pedagogic sciences, Professor,
Popov D.G., PhD in Psychological sciences,
Prostyakov V.V., PhD in Psychological sciences, Associate Professor,
Safuanov F.S., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Seliverstov V.I., LL.D., Professor,
Stolyarenko A.M., Doctor of Psychological sciences, Professor,
Toporkov A.A., LL.D., Professor,
Kholodny'j Yu.I., LL.D., Professor,
Tcvetkov Yu.A., PhD (Law),
E'minov V.E', LL.D., Professor,
Yakovlev V.F., Doctor of Medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., corresponding member of the RAE,
Honored Lawyer of the RF, LL.D., Professor

EDITORIAL OFFICE:

Lapteva E.A., Platonova O.F.

LAYOUT:

Kalinina E.S.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb., Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88 (multichannel)

SUBSCRIPTION:

Unified catalogue. Russian Press – 91913.

CONTENTS

ISSUES OF PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT AND JUDICIAL ACTIVITIES

- Dikarev I.S., Dyachenko D.S. On the Role of Conscience in Criminal Proceedings 3
Deulin D.V., Vitadello A., Lyabina E.A. Psychological Aspects of Information Storage on Printed and Electronic Carriers by Cadets of an Educational Institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia 7
Kazgerieva E.V. Irrational Finding of Fact and Conclusion of Law 12

ISSUES OF JUVENILE PSYCHOLOGY

- Sharafutdinova N.V., Prostyakov V.V. Peculiarities of Deviant Behavior of Teenagers and Adolescents 16
Agureeva V.A., Mitasova E.V. Psychological Education as a Means of the Development of Teenage Resilience 19

ISSUES OF PSYCHOLOGICAL EXAMINATION

- Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Perepravina Yu.O., Chernenkov A.D. Complex Judicial Psychological and Psychiatric Examination in Children's Interest Protection Cases: Diagnostics of the Psychological Induction of a Child 22

ISSUES OF MILITARY PSYCHOLOGY

- Karayani A.G., Koroleva I.N., Voloshina Yu.B. Psychological Training of Submarine Personnel 27

POLYGRAPH EXAMINATION ISSUES

- Svobodny F.K. Typical Mistakes of Polygraph Examiners...34

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal «Juridical Psychology»: 014130@mail.ru
The journal is included in the database Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publications of basic results of doctoral theses.

Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.
Free market price.
Passed for printing: 12.03.2020.
Edition was published: 18.03.2020.
ISSN 2071-1204

О РОЛИ СОВЕСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ДИКАРЕВ ИЛЬЯ СТЕПАНОВИЧ,
заведующий кафедрой уголовного процесса
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
iliadikarev@gmail.com

ДЯЧЕНКО ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ,
консультант департамента
Управления Президента Российской Федерации
по вопросам государственной службы и кадров
dyachenkodmitry1989@gmail.com

В статье анализируются основания введения категории «совесть» в уголовно-процессуальное законодательство. Раскрывается механизм действия совести в уголовном процессе, а также используемые законодателем средства активизации совести. Показано, что в некоторых случаях только совесть правоприменителя может обеспечить исполнения предписаний уголовно-процессуального закона. Речь идет о соблюдении процессуальной формы оценки доказательств, соблюдении порядка голосования судей в совещательной комнате, выполнении требований закона в ходе производства неотложных следственных действий и т.д.

Ключевые слова: оценка доказательств, совесть, присяга, совещание судей, неотложные следственные действия.

ON THE ROLE OF CONSCIENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

DIKAREV ILYA S.
Head of the Department of Criminal Procedure
of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
LL.D., Associate Professor

DYACHENKO DMITRIY S.
Consultant of a Department of the Presidential Directorate for State Service and Personnel

The article analyses the grounds for introducing the category of «conscience» into criminal procedure legislation. The mechanism for the action of conscience in the criminal procedure is disclosed, as well as the means used by the legislator to activate conscience. It has been shown that in some cases only the conscience of the law enforcement officer can enforce the requirements of the criminal procedure law. It is about compliance with the procedural form of evaluation of evidence, compliance with the procedure of voting of judges in the advisory room, compliance with the requirements of the law in the course of urgent investigative actions, etc.

Keywords: assessment of evidence, conscience, oath, meeting of judges, urgent investigative actions.

Важной новеллой уголовно-процессуального законодательства, принятого в 2001 году, стало положение, обязывающее властных субъектов уголовного судопроизводства оценивать доказательства, руководствуясь не только законом, но также и *совестью* (ст. 17 УПК РФ). Ранее действовавшее законодательство предписывало при оценке доказательств руководствоваться законом и *социалистическим правосознанием* (ст. 71 УПК РСФСР).

В юридической литературе такое законодательное решение получило неоднозначную оценку. Одни авторы прямо заявили о необходимости исключить слово «совесть» из закона¹. Другие — поставили целый ряд вопросов, связанных с применением данной категории в уголовном судопроизводстве. Так, И.А. Пикалов пишет: «...не совсем понятно, к чему необходимо применять категорию совести, то есть к процедуре оценки доказательств,

поведению самого субъекта процесса при этом, либо к тому, каким доказательствам этот субъект отдал предпочтение и какие выводы о доказанности юридического факта он сделал»². По мнению З.В. Макаровой, проверить, руководствовались ли судья, прокурор, следователь, дознаватель законом, можно, но как проверить, руководствовались ли они совестью, — непонятно³. Подобные позиции вполне объяснимы, ведь совесть является категорией этики, тогда как ученые-процессуалисты привыкли оперировать правовыми категориями. Среди исследователей нет даже единого мнения относительно того, как понятие совести соотносится с более привычной для юристов категорией правосознания. Чтобы показать, насколько неоднозначно этот вопрос решается в научной литературе,

¹ См., напр.: Челухсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика государства / науч. ред. В.С. Джатиев. Владикавказ, 2009. С. 109.

² Пикалов И.А. Принципы отечественного уголовного процесса: монография. М., 2012. С. 207.

³ См.: Макарова З.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: информация к размышлению // Правоведение. 2003. № 1. С. 139–140.

приведем лишь две точки зрения. Если, например, В.Л. Будников полагал, что совесть является частью содержания правосознания⁴, то О.В. Левченко, наоборот, считает, что правосознание включается в совесть судьи, оценивающего доказательство⁵.

И все же категория совести не только не чужда судопроизводству, но, напротив, является необходимым элементом в механизме осуществления подлинного правосудия, для которого именно этическая составляющая должна служить базисом. Да и в уголовно-процессуальном законодательстве термин «совесть» отнюдь не новый. Так, о совести упоминалось и в УПК РСФСР 1960 года (ст. 443), и в еще более ранних актах советской власти, как, например, в статье 25 Положения о Революционных Трибуналах от 12 апреля 1919 года, где говорилось, что трибуналы выносят приговоры, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и велениями революционной совести⁶.

Неспроста в юридической литературе даны десятки определений совести. При этом в большинстве из них акцент сделан на роли совести в самоконтроле, в оценке человеком своих поступков⁷. Однако одной лишь внутренней самооценкой людьми своих поступков значение совести не ограничивается. Дело в том, что такая оценка, будучи эмоционально окрашенной и значимой для человека, способна в одних случаях удерживать человека от совершения действий, а в других, напротив, побуждать действовать. И в этом смысле можно говорить о том, что у совести имеется два механизма реализации требований морального долга: удержание и побуждение, которые оказались весьма востребованы в юридической практике.

Так, в ряде случаев законодатель стремится задействовать совесть в качестве средства обеспечения реализации правовых предписаний в сфере уголовного судопроизводства. Необходимость в этом обусловлена тем, что существуют правовые нормы, исполнение которых не поддается объективному (внешнему) контролю, вследствие чего правовые санкции в качестве средства обеспечения исполнения нормы права силой государственного принуждения оказываются бессильными. Собственно говоря, именно в тех же условиях совесть значима и в качестве средства обеспечения моральных норм. «Роль совести особенно важна, — писал А.С. Кобликов, — когда человек находится перед моральным выбором, а внешний контроль со стороны обществен-

ного мнения или исключается, или затруднен»⁸. Важно подчеркнуть, что совесть в данном случае не является регулятором поведения субъекта, она не порождает правовых норм, которым подчиняется личность в своей практической деятельности. Ее функция сводится к обеспечению, гарантированию исполнения тех норм, которые диктуют человеку мораль или право. «Совесть, — пишет В.В. Сорокин, — есть внутренний духовно-нравственный закон человека, позволяющий ему уважать право без внешнего полицейского понуждения»⁹. Однако чтобы совесть «работала», требования закона должны восприниматься как нравственный долг. В.В. Мельник пишет, что содержащиеся во внешнем велении требования должны интегрироваться со сложившейся мотивационно-смысловой структурой личности, ядром которой как раз и является совесть¹⁰.

В свое время законодатель с той же целью, что ныне совесть, использовал религиозные чувства участников судопроизводства, в частности, их страх перед божественным возмездием за нарушение клятв, даваемых в качестве гарантии добросовестности действий в ходе судопроизводства. Так, в древнерусском уголовном процессе широкое распространение имела присяга, то есть клятва, цель которой состояла в том, чтобы «живым чувством вины и страхом казни небесного правосудия, привести подсудимого к признанию, или основать на ней, как на действии высоко-религиозном, относительно которого каждый должен быть вполне совестливым, оправдание подсудимого, освобождая его от подозрения в случае принесения им присяги, и признавая отказ от нее новым усилением»¹¹. Присяга делилась на дополнительную и очистительную. Обе могли приноситься подсудимым при недостаточности доказательств: первая — для того чтобы отстоять свою невиновность при недостатке оправдывающих доказательств, а вторая — для опровержения явно недостаточных обвинительных доказательств. Впрочем, дополнительную присягу мог приносить и истец, с тем чтобы восполнить недостаточность представленных в подтверждение собственной правоты доказательств.

С давних пор и до наших дней присяга используется в качестве гарантии добросовестности при исполнении профессиональных обязанностей, прежде всего судебных. Традиция принесения присяги при вступлении судьи в должность имеет древние корни. В античной Греции вновь избранные гелиасты приносили торжественную присягу — клялись Аполлоном, Зевсом и Деметрой, что будут голосовать сообразно принятым законам и в соответствии с постановлениям народного собрания, поступать по совести и выслушивать с одинаковым чувством благосклонности как истца, так и ответчика. «Если я сдер-

⁴ См.: Будников В.Л. Правосознание как условие оценки доказательств в уголовном процессе // Юрист XXI века (задачи, тенденции, перспективы) : материалы научно-практической конференции / под ред. Ф.В. Глазырина. Волгоград, 2001. С. 29.

⁵ См.: Левченко О.В. Алиби как средство познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам : монография. М., 2005. С. 70.

⁶ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 156.

⁷ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 129–130; Володина Л.М., Володина А.Н. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту. М., 2010. С. 100; Чадаева С.В. Профессиональная этика юриста : учебное пособие. Нижний Новгород, 2011. С. 56 и др.

⁸ Кобликов А.С. Избранное: Юридическая этика. Военные суды России. М., 2005. С. 41.

⁹ Сорокин В.В. Совесть в механизме правового регулирования: вопросы теории // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 62.

¹⁰ См.: Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных : учебно-практическое пособие. М., 2003. С. 109.

¹¹ См.: Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 120.

жу свое слово, — говорили они, — да будет мне благо; если я нарушу его, да погибну со всем моим родом»¹². Истории уголовного процесса народов России также известен институт присяги судьи. В частности, приводились к присяге судьи адатских судов, избравшиеся на тайповом совете: каждый судья клялся в том, что и к рассматриваемому делу, и к участвующим в деле сторонам он относится беспристрастно¹³.

В наши дни религиозное чувство уже не может использоваться в тех же масштабах, что прежде, поскольку вера людей в Бога больше не является повсеместной. В этой связи законодатель был вынужден заменить «несущую конструкцию» механизма исполнения правовых норм, выведенных из-под объективного контроля, и поставить на место религиозности человека его нравственное чувство. Вступая в должность (ст. 8 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации») либо приступая к выполнению судейских обязанностей (ст. 332 УПК РФ), судьи по-прежнему приносят присягу. Этой клятве законодатель придает отнюдь не символическое значение: через присягу он стремится заручиться совестью судьи в качестве гарантии добросовестного исполнения им судейского долга, соблюдения принципов независимости судей и их подчинения закону. На то, что тексту присяги придается значение средства достижения значимых для законодателя целей, обращается и в юридической литературе. В частности, Г.Н. Ветрова обратила внимание на изменение в УПК РФ 2001 года текста присяги, к которой приводятся присяжные заседатели, полагая, что это явилось своеобразным ответом на «неправильные» оправдательные вердикты, выносившиеся при доказанности фактических оснований для уголовной ответственности¹⁴.

Следует иметь в виду, что требование закона руководствоваться совестью не следует толковать как обзывание субъекта соблюдать нормы морали при осуществлении процессуальной деятельности. Такой подход был бы чрезмерным упрощением, уводящим далеко в сторону от понимания реального предназначения категории «совесть» в уголовно-процессуальном законе. Выше уже говорилось о том, что совесть служит гарантией исполнения нормативных предписаний в тех случаях, когда деятельность субъекта находится вне пределов объективного контроля со стороны третьих лиц, в связи с чем санкции не могут служить средством обеспечения исполнения правовых норм. Такая ситуация имеет место прежде всего при оценке доказательств, поскольку она представляет собой мыслительную деятельность¹⁵, недоступ-

ную для непосредственного восприятия и проверки на предмет соблюдения установленных законом правил оценки доказательств. И если судить о соблюдении процессуальной формы оценки доказательств судом, прокурором и органами расследования можно (в весьма ограниченных пределах) по мотивировке и выводам, изложенным в выносимых ими по результатам оценки доказательств процессуальных решениях¹⁶, то оценка доказательств присяжными заседателями стороннему наблюдателю недоступна вообще. И это при том, что присяжные заседатели, вынося вердикт, должны соблюдать ряд важных запретов, связанных с общением с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого уголовного дела, собиранием сведений по уголовному делу вне судебного заседания, принятием во внимание доказательств, признанных судом недопустимыми, и т.д. Роль совести при вынесении присяжными заседателями вердикта состоит не только в том, чтобы воспрепятствовать осуждению подсудимого, чья вина убедительно не доказана, но и в том, чтобы побудить присяжных заседателей выносить обвинительные вердикты в отношении тех подсудимых, чья вина в совершении преступления была убедительно доказана¹⁷. И только совесть может стать препятствием, способным помешать формированию убеждения, основанного не на анализе доказательств, а продиктованного своекорыстными интересами, предубеждением, предвзятостью и т.п.¹⁸

Однако не только мыслительная деятельность по оценке доказательств скрыта от внешнего контроля и надзора. В ряде случаев уголовно-процессуальные действия осуществляются за закрытыми дверями, так что законодателю и в этих ситуациях, кроме совести правоприменителя, уповать больше не на что. Так, например, тайна совещания судей не дает возможность проверить, соблюдается ли процессуальная форма совещания судей при коллегияльном рассмотрении уголовного дела либо в ходе совещания и голосования присяжных заседателей. Закон, например, требует, чтобы при голосовании председательствующий (ч. 2 ст. 301 УПК РФ), а равно старшина присяжных заседателей (ч. 4 ст. 342 УПК РФ), подавали свои голоса последними. При рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке закон предписывает, чтобы первым на голосование выносилось предложение, наиболее благоприятное для оправданного, осужденного или лица, в отношении которого уголовное дело прекращено

¹² См.: Чельцов-Бебутов М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 97.

¹³ См.: Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII—XX вв.) : дис. ... д-ра юрид. наук. Грозный, 2014. С. 119.

¹⁴ Ветрова Г.Н. Судопроизводство с участием присяжных заседателей // Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации 2001–2011 гг. : сборник научных статей / под ред. И.Б. Михайловской. М., 2014. С. 125.

¹⁵ См.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 135.

¹⁶ «Ввиду нереальности прямого контроля над ним (внутренним убеждением. — *И.Д., Д.Д.*), — писал Ю.К. Орлов, — закон предусматривает лишь гарантии его правильного формирования, а также обязанность обоснования внутреннего убеждения, создавая тем самым возможность какой-то косвенной его проверки. Все остальные его аспекты находятся за пределами правового регулирования и образуют сферу действия психологических, морально-этических и иных законов» (Орлов Ю.К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые акты) // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 35. М., 1981. С. 60).

¹⁷ См.: Дикарев И. Значение совести при оценке доказательств присяжными заседателями // Законность. 2007. № 11. С. 21.

¹⁸ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М., 2006. С. 129.

(ч. 9 ст. 401.13 УПК РФ). Указанные требования служат гарантиями независимости судей, самостоятельности принятия ими решения, а последнее призвано благоприятствовать защите (*favor defensionis*).

Даже досудебное производство по уголовным делам может производиться в обстановке, исключая использование ординарных средств обеспечения законности (прокурорского надзора, процессуального контроля, судебного контроля). В частности, именно в такой обстановке производятся неотложные следственные действия, особенно субъектами, перечисленными в части 3 статьи 40 УПК РФ. Собственно говоря, производство процессуальных действий поручается капитанам морских и речных судов, находящихся в дальнем плавании, руководителям геологоразведочных партий, зимовок и др. именно потому, что для органов предварительного расследования место совершения преступления зачастую бывает физически недоступно. Соответственно, исключается возможность осуществления также надзора и контроля за такой деятельностью, что вновь переносит акцент в обеспечении законности с объективных правовых средств на внутренний самоконтроль совести.

В других случаях условия производства процессуального действия существенно снижают вероятность обнаружения допущенного нарушения, что также требует повышенной ответственности правоприменителя. В частности, лишь совесть способна удержать должностное лицо органа предварительного расследования от нарушения запрета задавать

наводящие вопросы в случаях допроса потерпевшего или свидетеля, когда в следственном действии другие лица не участвуют. Кроме того, практически не защищены законом от разглашения и несанкционированного использования разнообразные личные тайны, становящиеся достоянием должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность¹⁹. Сказанное в полной мере относится и к данным о частной жизни граждан, выявляемым в ходе предварительного расследования (ч. 5 ст. 161, ч. 7 ст. 182 УПК РФ). Учитывая отсутствие действительных объективных гарантий сохранения такого рода сведений в тайне, законодатель, декларирующему соответствующие запреты, и здесь приходится уповать на совесть правоприменителя.

Мы привели далеко не все примеры включения совести в правоприменительную деятельность, однако и сказанного достаточно для констатации той огромной роли, которую играет совесть в уголовном процессе. Она является гарантией (нередко единственной) соблюдения не только прав личности, попавшей в орбиту уголовного судопроизводства, но и установленного уголовно-процессуальным законом порядка, во-первых, собирания (формирования) доказательств, во-вторых, оценки полученных доказательств как мыслительной, логической деятельности субъектов доказывания, в-третьих, вынесения правоприменительного акта в тех случаях, когда дело рассматривается коллегиальным составом суда.

¹⁹ См.: Пилипенко Ю.С. Общие теоретические аспекты института тайны // Государство и право. 2009. № 7. С. 22.

Литература

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. Москва : ЛексЭст, 2001. 240 с.
2. Будников В.Л. Правосознание как условие оценки доказательств в уголовном процессе / В.Л. Будников // Юрист XXI века (задачи, тенденции, перспективы) : материалы научно-практической конференции (г. Волгоград, 18 мая 2001 г.) : сборник научных статей / под редакцией Ф.В. Глазырина. Волгоград : Изд. группа ВРО МСЮ, 2001. С. 28–29.
3. Ветрова Г.Н. Судопроизводство с участием присяжных заседателей / Г.Н. Ветрова // Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации 2001–2011 гг. : сборник научных статей / под ред. И.Б. Михайловской. Москва : Проспект, 2014. С. 109–136.
4. Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: право на справедливую и гласную судебную защиту / Л.М. Володина, А.Н. Володина. Москва : Юрлитинформ, 2010. 232 с.
5. Дикарев И. Значение совести при оценке доказательств присяжными заседателями / И. Дикарев // Законность. 2007. № 11. С. 20–22.
6. Кобликов А.С. Избранное: Юридическая этика. Военные суды России / А.С. Кобликов. Москва : РАП : Норма, 2005. 272 с.
7. Левченко О.В. Алиби как средство познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам : монография / О.В. Левченко. Москва : Прометей. МГПУ, 2005. 112 с.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П.А. Лупинская. Москва : Юристъ, 2006. 174 с.
9. Макарова З.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: информация к размышлению / З.В. Макарова // Правоведение. 2003. № 1. С. 134–145.
10. Мельник В.В. Искусство защиты в суде присяжных : учебно-практическое пособие / В.В. Мельник. Москва : Дело, 2003. 480 с.
11. Орлов Ю.К. Внутреннее убеждение при оценке доказательств (правовые акты) / Ю.К. Орлов // Вопросы борьбы с преступностью : сборник статей / ответственный редактор Б.В. Коробейников. Вып. 35. Москва : Юридическая литература, 1981. С. 55–60.
12. Пикалов И.А. Принципы отечественного уголовного процесса : монография / И.А. Пикалов. Москва : Юрлитинформ, 2012. 256 с.
13. Пилипенко Ю.С. Общие теоретические аспекты института тайны / Ю.С. Пилипенко // Государство и право. 2009. № 7. С. 19–24.
14. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский ; под редакцией Д.С. Карева. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1956. 272 с.
15. Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.) : диссертация доктора юридических наук / Д.Х. Сайдумов. Грозный, 2014. 554 с.
16. Сорокин В.В. Совесть в механизме правового регулирования: вопросы теории / В.В. Сорокин // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 62–66.
17. Чадаева С.В. Профессиональная этика юриста : учебное пособие / С.В. Чадаева. Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2011. 136 с.
18. Челохсаев О.З. Современная уголовно-процессуальная политика государства / О.З. Челохсаев ; научное редактирование В.С. Джагиев. Владикавказ : Изд.-полиграф. предприятие им. В. Гассиева, 2009. 240 с.
19. Чельцов-Бебутов М.А. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. Санкт-Петербург : Равенна, Алфа, 1995. 846 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАПОМИНАНИЯ ИНФОРМАЦИИ НА ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЯХ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

ДЕУЛИН ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук
ddeulin@yandex.ru

ВИТАДЕЛЛО АННА,
курсант Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
рядовой полиции
support_mosu@mvd.ru

ЛЯБИНА ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА,
курсант Московского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
сержант полиции
avtor@lawinfo.ru

В рамках научной статьи рассматривается проблема запоминания учебной информации на печатных и электронных носителях. Авторы с опорой на отечественные и зарубежные научные публикации исследуют феномен влияния различных типов носителей информации на психику обучающихся. В рамках научного пилотажного исследования изучается эффективность запоминания информации на различных носителях. В качестве основных методов используются наблюдение, беседа, метод анкетирования, методика опосредованного запоминания А.Н. Леонтьева, методика А.Р. Лурия «запоминание 10 слов» и математико-статистический критерий обработки результатов исследования. Авторы приходят к выводу, что статистически значимые различия в результатах запоминания с электронных и печатных носителей отсутствуют.

Ключевые слова: процесс запоминания, память, электронные носители информации, печатные носители информации, цифровое пространство, электронная библиотека, курсанты.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INFORMATION STORAGE ON PRINTED AND ELECTRONIC CARRIERS BY CADETS OF AN EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

DEULIN DMITRIY V.
Associate Professor of the Department of Psychology of the Academic Complex
of Psychology of Official Activities of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
PhD (Psychology)

VITADELLO ANNA
Cadet of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Officer

LYABINA ELIZAVETA A.
Cadet of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Police Sergeant

As part of a scientific article, the problem of storing educational information in print and electronic media is considered. The authors relying on domestic and foreign scientific publications explore the phenomenon of electronic information carrier. As part of a scientific pilot study, the effectiveness of storing information on various media is studied. The main methods used are observation, conversation, the questionnaire method, the method of indirect memorization A.N. Leontiev, method A.R. Luria «remembering 10 words» and the mathematical method of processing the results of Student's T-test. The authors conclude that there are no statistically significant differences in the results of memorization from electronic and printed media.

Keywords: the process of memorization, memory, electronic media, print media, digital space, electronic library, cadets.

В последнее десятилетие в связи с высоким уровнем развития цифровых технологий и рас-

пространения сети Интернет возникает запрос на развитие электронной книги как формы хранения

знаний. Постепенно происходит оцифровка библиотечных фондов, отдельные книги становятся доступными на специальных электронных площадках. Необходимо отметить, что образовательные организации МВД технически развиваются и все больше используют в своей практике современные образовательные технологии: составление электронных директорий с возможностью удаленного тестирования курсантов и автоматизированной оценки их уровня остаточных знаний; создание электронной картотеки учебно-методического обеспечения каждой учебной дисциплины; создание электронных правовых ресурсов, электронной библиотеки и др.

У исследователей возникают вопросы относительно эффективности и целесообразности такой виртуализации учебного, научного и иного вспомогательного пространства для обучающегося. Работа обучающегося с электронной информацией строится на основе Федеральных государственных образовательных стандартов, часть которых определяет наличие соответствующей компетентности обучающихся, например, работа с информацией в глобальных компьютерных сетях или способность осуществлять целенаправленный поиск информации о новейших научных и технологических достижениях в сети Интернет и из других источников. Современное образование технологически уже невозможно вне электронных коммуникаций. Существуют, конечно, различные риски пользования электронными ресурсами, например, в области достоверности получаемой информации. Как отмечается в некоторых исследованиях, в рамках образовательной деятельности необходимо отдавать предпочтение легальным электронным источникам, которые обеспечивают достоверность и качество информации¹. Согласимся с мнением о том, что в настоящее время востребованными становятся системы управления информационными ресурсами, которые позволяют находить нужную информацию и доставлять ее пользователю. Таким образом, значительно повышается оперативность предоставления услуг².

Распространение электронного способа получения информации через специализированные библиотечные фонды рассматривается как процесс виртуальный, а наличие соответствующих библиотек предполагает сбор, упорядочивание электронной информации и предоставление ее пользователю³.

Стоит отметить, что традиционный носитель информации (печатная книга) представляет собой материальную оболочку и воспринимается непосредственно вне специальных компьютерных и технических устройств. В научных публикаци-

ях отмечаются преимущества электронных книг по отношению к печатным. Так, электронная информационно-образовательная среда способствует повышению качества образования: размещение оцифрованных материалов, отсутствующих в общедоступных электронных библиотеках, но являющихся при этом ценным источником профессиональных знаний; размещение в системе ссылок на электронные библиотеки, базы данных, содержащие актуальную профессиональную литературу; размещение информации о наиболее значимых научных событиях — конференциях, конгрессах, участие в которых обеспечит накопление профессионального опыта студентов; размещение информации о научных грантах, которые потенциально поспособствуют совершенствованию профессиональной компетентности студентов и др.⁴

Некоторые авторы отмечают достоинства и недостатки электронных носителей информации. К основным достоинствам можно отнести: компактность и портативность; настройки изображения (изменение шрифта и формата вывода); дополнительные возможности; доступность (при наличии подключения к Интернету); экологичность (электронная бумага не пачкается). Технические недостатки электронной книги видятся в неблагоприятном влиянии на зрение (ТФТ-экран), чувствительности к физическому воздействию и потребности в периодической подзарядке встроенных аккумуляторов⁵.

Основываясь на результатах отечественных и зарубежных исследований в области развития цифровых технологий и их влияния на психику обучающихся, мы решили провести сравнительное исследование запоминания информации курсантами образовательной организации МВД России с электронных и печатных носителей. Под запоминанием мы подразумеваем один из механизмов памяти, запечатление в ней образов предметов, явлений, мыслей⁶. На процесс запоминания влияют множество факторов: новизна информации, эмоциональное подкрепление, организация паттерна, многократное подкрепление, полезность информации, наличие контекста⁷. И чтобы лучше запоминать, необходимо наличие интереса к объекту запоминания⁸.

⁴ Ивинская М.С. Повышение качества образования на основе использования электронной информационно-образовательной среды // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 73–75.

⁵ Маркова Т.Б. Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст // Библиосфера. 2013. № 4. С. 7–15.

⁶ Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж : НПО «МОДЭК», 1995. 640 с.

⁷ Разумникова О.М. Общая психология. Когнитивные процессы и состояния : практикум. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2011. 76 с. ISBN 978-5-7782-1848-2. Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/44812.html> (дата обращения: 02.12.2019).

⁸ Матвеев С. Феноменальная память: методы запоминания информации. М. : Альпина Паблишер, 2017. 160 с. ISBN 978-5-9614-2274-0. Текст : электронный // Электронно-библиотечная система IPR BOOKS : [сайт]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/68028.html> (дата обращения: 02.12.2019).

В рамках нашего исследования мы выдвинули предположение, что курсанты запоминают лучше информацию, полученную из печатных источников. В качестве нулевой (обратной) гипотезы было предположение, что различия в запоминании информации с электронных и печатных источников незначительны. Выборку составили курсанты 3 года обучения в количестве 20 человек, преимущественно лица женского пола. В качестве основных методов исследования мы использовали беседу, наблюдение, анкетирование, методику опосредованного запоминания А.Н. Леонтьева, методику А.Р. Лурия «запоминание 10 слов» и математико-статистический метод обработки результатов исследования U-критерий.

Эксперимент состоял из нескольких этапов:

1 этап — предварительное анкетирование респондентов;

2 этап — проведение методики опосредованного запоминания А.Н. Леонтьева и ранжирование курсантов в зависимости от полученных результатов;

3 этап — выделение двух экспериментальных групп и проведение в каждой из них методики А.Р. Лурия «запоминание 10 слов», соответственно в диалоговом (электронном) и бланковом (печатном) форматах;

4 этап — математико-статистическая обработка результатов тестирования, анкетирование и формулировка выводов.

На первом этапе исследования мы провели анкетирование курсантов, где выявлены основные проблемы соотношения электронных и печатных источников информации, оценка субъективной значимости электронных и печатных носителей информации, достоинства и недостатки рассматриваемых источников информации. В рамках анкетирования вопросы были направлены на проблемы обеспечения образовательной деятельности.

Диаграмма 1. Распределение типов носителей получения информации курсантами в образовательных целях

На диаграмме 1 мы можем наблюдать, что большинство курсантов предпочтение отдает электронным носителям информации (60%). Тогда как к печатным носителям информации обращается 40% опрошенных курсантов. Данные свидетельствуют о том, что электронные носители информации в рамках образовательной парадигмы МВД России имеют незначительные преимущества по сравнению

с печатными, чему способствует созданная в университете информационно-техническая среда.

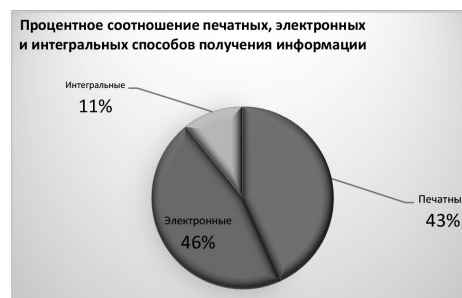

Диаграмма 2. Распределение способов получения информации с учетом интегрального критерия (электронные и печатные носители в равной степени)

Процентное распределение предпочтений курсантов к различным носителям информации с учетом их совместного использования представлено на диаграмме 2. Так, электронными носителями информации пользуются 46% курсантов, печатными — 43%, предпочитающих пользоваться в равной степени и печатными, и электронными (интегрально) — 11%.

Результаты анкетирования показывают, что имеется определенная тенденция к предпочтению курсантами использовать электронные носители информации.

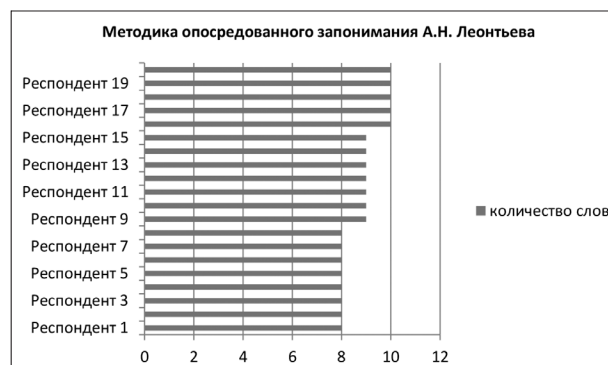

Диаграмма 3. Результаты исследования в рамках методики опосредованного запоминания А.Н. Леонтьева

На втором этапе мы провели методику опосредованного запоминания А.Н. Леонтьева и ранжировали курсантов в зависимости от результатов исследования (диаграмма 3).

По результатам исследования мы разделили группу на две равномерные по уровню запоминания и равные по количеству обследуемых экспериментальные группы.

На третьем и четвертом этапах исследования, мы применили методику А.Р. Лурия «запоминание 10 слов», соответственно в диалоговом (электронном) и бланковом (печатном) форматах в двух экспериментальных группах. В результате мы осуществили математико-статистическую обработку полученных результатов с применением U-критерия.

№ обследуемого	1з	2з	3з	4з	5з	через час	№ обследуемого	1з	2з	3з	4з	5з	через час
1	5	6	8	9	10	7	1	5	6	8	9	10	5
2	6	7	9	10	10	7	2	6	7	8	6	10	7
3	6	7	8	10	10	5	3	5	7	9	9	10	4
4	5	6	8	9	10	5	4	5	6	8	9	10	6
5	5	7	8	9	10	7	5	6	7	8	9	10	6
6	5	6	8	9	10	7	6	6	8	9	10	10	6
7	6	8	9	10	10	7	7	6	7	9	10	10	7
8	5	6	8	9	10	8	8	5	6	8	9	10	8
9	5	6	7	9	10	7	9	6	7	9	9	10	8
10	5	6	8	9	10	5	10	7	8	9	1	10	6

Таблица 1. Результаты запоминания слов курсантами первой экспериментальной группы (на бланковом методе) по методике А.Р. Лурии «запоминание 10 слов»

Таблица 2. Результаты запоминания слов курсантами первой экспериментальной группы (диалоговый метод) по методике А.Р. Лурии «запоминание 10 слов»

Таблица 3. Обработка полученных результатов в программе Statistika

Mann-Whitney U Test (Spreadsheet3)										
By variable группа										
Marked tests are significant at p < .05000										
variable	Rank Sum Group 1	Rank Sum Group 2	U	Z	p-level	Z adjusted	p-level	Valid N Group 1	Valid N Group 2	2*1sided exact p
балл	108,0000	102,0000	47,00000	0,226779	0,820596	0,230715	0,817536	10	10	0,853428

В первой группе мы провели методику А.Р. Лурии, предоставив 10 слов для запоминания респондентам на бумаге. Результаты проведенной методики представлены в таблице 1.

Во второй группе мы провели ту же методику А.Р. Лурии, но слова для запоминания вывели через проектор. Результаты также представлены в таблице 2.

На основе полученных данных математико-статистической обработки (таблица 3) нам не удалось обнаружить существенных различий между уровнем запоминания в двух экспериментальных группах. Таким образом, на процесс запоминания информации не влияет тип носителя (электронный или печатный).

В ходе анкетирования курсантов нам удалось выяснить, какие достоинства и недостатки несут электронные и печатные носители информации.

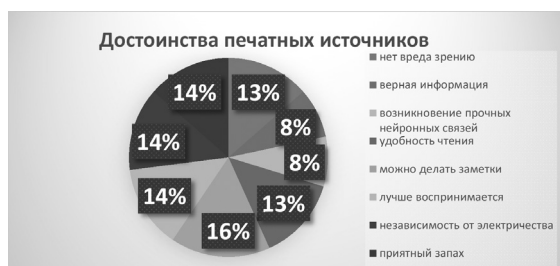

Диаграмма 4. Достоинства печатных источников информации

К основным достоинствам печатных носителей информации курсанты отнесли (диаграмма 4): минимальный вред органам зрения (13%); наличие более достоверной информации (8%); устойчивость запоминания через продолжительное время (8%); тактильные комфортные ощущения и удобства (13%); возможность использовать карандаш или ручку на полях (16%); эффективность восприятия (14%); автономность от электричества (14%) и приятное воздействие на органы чувств (14%).

Диаграмма 5. Недостатки печатных источников информации

К основным недостаткам печатных носителей информации курсанты отнесли (диаграмма 5): долгий поиск информации (20%); большие габариты (40%); труднодоступность (15%); высокая цена (25%).

Диаграмма 6. Достоинства электронных источников информации

К достоинствам электронных источников (диаграмма 6) курсанты отнесли: быстрый поиск информации (32%); эффективность поиска (27%); легкий доступ к источнику информации (41%).

Диаграмма 7. Недостатки электронных источников информации

К основным недостаткам электронных источников информации курсанты отнесли: сомнения в достоверности источника (29%); негативное влияние на зрение (23%); зависимость от электричества (14%); недостаток «полезной» информации (34%). Мы решили соотнести достоинства и недостатки

электронных и печатных источников в процентном соотношении (диаграмма 8).

Диаграмма 8. Матрица достоинств и недостатков электронных и печатных источников

Вместе с тем по результатам послетестового анкетирования курсанты отметили, что достоинств у печатных носителей информации больше, чем у электронных. Данное положение демонстрирует сохранение традиционных подходов курсантов образовательной организации МВД России к выбору носителей информации.

Выводы:

- на процесс запоминания информации не влияет тип носителя (электронный или печатный);
- курсанты в рамках учебного процесса предпочитают использовать электронные книги (60% против 40%, диаграмма 1), вне зависимости от отмеченных недостатков в их использовании (57% против 43%, диаграмма 8).

Литература

1. Блейхер В.М. Толковый словарь психиатрических терминов / В.М. Блейхер, И.В. Крук. Воронеж : МОДЭК, 1995. 640 с.
2. Зубец В.В. Легальные электронные библиотеки — источники качественной информации в Интернете / В.В. Зубец // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 176. С. 75–81.
3. Ивинская М.С. Повышение качества образования на основе использования электронной информационно-образовательной среды / М.С. Ивинская // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 73–75.
4. Маркова Т.Б. Чтение как составная образа жизни: бумажная книга и/или электронный текст / Т.Б. Маркова // Библиосфера. 2013. № 4. С. 7–15.
5. Матвеев С. Феноменальная память : методы запоминания информации / С. Матвеев. Москва : Альпина Паблишер, 2017. 160 с.
6. Нещерет М.Ю. Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках — это уже реальность / М.Ю. Нещерет // Библиосфера. 2019. № 2. С. 19–25. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-2-19-25.
7. Проблемы библиотечного обслуживания удаленных пользователей и перспективы их учета : материалы межрегионального вебинара, 22 мая 2013 г. / Ростов. обл. спец. б-ка для слепых ; составитель О. В. Глазунова. Ростов-на-Дону, 2013. 48 с.
8. Разумникова О.М. Общая психология. Когнитивные процессы и состояния: практикум для студентов / О.М. Разумникова. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2011. 76 с.

Внимание! Акция апреля!

Только в период с 1 по 30 апреля 2020 года при оформлении годовой подписки на журнал «Юрист» скидка 30%! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно) или по электронной почте: podpiska@lawinfo.ru

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ПОЗНАНИЕ

КАЗГЕРИЕВА ЭММА ВИКТОРОВНА,
доцент кафедры теории и истории государства и права
института права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского
государственного университета имени Х.М. Бербекова,
кандидат юридических наук
kazgerieva@mail.ru

В статье анализируется иррациональное судебное познание, которое непосредственно связано с интуицией, играющей большую роль как в практической, так и в познавательной судебной деятельности. Обосновывается, что иррациональное судебное познание подразделяется на непосредственную рационально-профессиональную интуицию суда (негативная и позитивная), непосредственную иррациональную интуицию суда, опосредованное познание суда, полученное путем анализа интуитивного познания участников процесса. В работе также аргументируется, что рационально-профессиональная интуиция суда при исследовании фактических обстоятельств дела представляет собой выводы суда, которым характерны признаки юридического прогнозирования. Аргументируется, что судья, исходя из своего профессионального опыта и навыков, нередко обладает способностью к интуитивному предугадыванию (прогнозированию), но основываясь исключительно на рациональных началах.

Ключевые слова: иррациональное судебное познание, профессиональная судебная интуиция.

IRRATIONAL FINDING OF FACT AND CONCLUSION OF LAW

KAZGERIEVA EMMMA V.
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Institute of Law,
Economy and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
PhD (Law)

The article analyzes irrational judicial cognition, which is directly related to intuition, which plays a large role in both practical and cognitive judicial activity. It is proved that irrational judicial knowledge is divided into direct rational-professional intuition of the court (negative and positive); direct irrational intuition of the court; indirect knowledge of the court, obtained by analyzing the intuitive knowledge of the participants in the process. The paper also argues that the rational and professional intuition of the court in the study of the actual circumstances of the case is the conclusions of the court, which are characterized by signs of legal forecasting. It is argued that the judge based on his professional experience and skills, often has the ability to intuitively predict (prediction), but based solely on rational principles.

Keywords: irrational judicial cognition, professional judicial intuition.

В философской литературе обосновывается, что иррациональное познание происходит без непосредственного чувственного восприятия и рационального размышления, что так или иначе связано с интуицией, которая играет большую роль как в практической, так и в познавательной человеческой деятельности. Интуиция рассматривается как особенность внутреннего мира человека, его переживаний, ценностных ориентаций, процессов бессознательного взаимодействия с тем, что выносятся на уровень осознания познающим субъектом. В таком аспекте интуиция является необходимым механизмом творческого процесса, в результате которого появляется принципиально новое знание¹, интуиция трактуется как проявление бессознательного начала².

В свою очередь, познание в процессе судебного правоприменения в общем виде представляет собой процесс достижения определенности. В этой связи совершенно верно было подмечено, что достижение определенности в поведении людей, человеческой

деятельности — одна из важнейших задач социальной регуляции³. Вместе с тем обращалось внимание, что судебное правоприменение объективно отличается от иных средств социального управления⁴. Но, несмотря на все отличия, в процессе судебного правоприменения суд нередко ориентируется, как и в процессе социального управления, на профессиональную интуицию. Современными правоведами неоднократно подчеркивалась значимость интеллектуальной интуиции в процессе познания⁵. Декарт видел в интеллектуальной интуиции «понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и является более простым, чем сама дедукция...»⁶. Таким образом,

³ Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8.

⁴ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 31.

⁵ См., напр.: Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.

⁶ Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. Интеллектуальная интуиция. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH-f38bceeb8333fb490106f3> (дата обращения: 17.11.2019).

¹ Чашегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4 (13). С. 70.

² Там же. С. 71.

бессознательное восприятие — интуиция — может быть представлена как в виде чувственной интуиции (ощущение, восприятие, память, воображение, эмоции, воля), так и интеллектуальной интуиции — рациональной (интеллект, логическое мышление).

Интуиция как познавательный феномен исследовалась как советскими, так и современными российскими авторами. В советский период исследовались вопросы внутреннего судейского убеждения и интуиции⁷, рассматривалась роль интуиции в деятельности суда⁸, анализировалась связь интуиции при установлении истины по уголовным делам⁹. Современные российские авторы предпринимали попытку логико-правового исследования интуиции в судебном познании¹⁰, определялся феномен интуиции в процессе принятия решения¹¹ и др., но многие вопросы так до конца и остались нераскрытыми.

Между тем анализ нормативных актов, разъяснительных писем и позиций суда позволил выявить случаи, когда исследуемая форма познания рассматривается в различных, как рациональных, так и иррациональных вариациях: интуиция понимается как бессознательная форма восприятия правовой реальности¹²; интуиция определяется в качестве необходимой познавательной способности¹³; интуиция характеризуется как предпосылка для принятия решения¹⁴; интуиция определяется как профессиональная и личная способность¹⁵; интуиция характе-

ризуется как профессиональная особенность¹⁶. Таким образом, очевидно, что суммарное понимание «интуиции» в нормативных актах министерств, в судебных позициях выражается в понимании интуиции как бессознательной формы восприятия правовой реальности, необходимой познавательной профессиональной и личной способности и особенности, а также необходимой предпосылкой для принятия решения.

Что касается познавательной интуитивной деятельности суда, то полагаем, что анализ судебной практики позволил выявить ее специфику, выраженную в определенных основаниях:

— непосредственная интеллектуально-профессиональная судебная интуиция (негативная и позитивная);

— непосредственная иррациональная судебная интуиция;

— опосредованное познание суда, полученное путем анализа интуитивного познания участников процесса.

1. Непосредственная рационально-профессиональная интуиция суда чаще всего встречается при определении вопроса о прогнозировании правового поведения. По мнению Ю.А. Тихомирова, «предвидеть различные события позволяют прогнозные оценки»¹⁷. К.В. Агамировым также подчеркивается значимость прогнозирования в процессе правового регулирования общественных отношений: «Юридическое прогнозирование является одним из видов социального прогнозирования. Для предвидения возможных изменений в социальной жизни без анализа происходящих процессов не обойтись, ибо правовое регулирование общественных отношений определяется наличием проблемных ситуаций в социально-правовой сфере»¹⁸. Таким образом, судья, исходя из своего профессионального опыта и навыков, нередко обладает способностью к интуитивному предугадыванию (прогнозированию), но основывается исключительно на своих профессиональных началах.

Анализ судебной практики позволил выявить два вида непосредственной рационально-профессиональной интуиции суда при исследовании фактических обстоятельств дела: позитивная и негативная. Посредством **позитивной интуиции** судом предполагается наиболее благоприятный прогноз при решении конкретного дела. Например, в Постановлении Харабалинского районного суда от 27 ноября

⁷ См., напр.: Казимирчук В. Внутреннее судейское убеждение и интуиция // Советская юстиция. М.: Госюриздат РСФСР, 1958. № 5. С. 18–22.

⁸ См., напр.: Степанов В.В. Интуиция и ее роль в деятельности следователя и суда // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. Межвузовский научный сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. Вып. 1. С. 22–28.

⁹ См., напр.: Абраменкова В.С. К вопросу о роли интуиции в установлении истины по уголовным делам // Виктимология и профилактика правонарушений. Сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1979. С. 102–107.

¹⁰ См., напр.: Блохин П.Д. Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании: попытка логико-правового исследования // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2 (50). С. 11–23.

¹¹ Дмитриева В.А. Феномен интуиции в познавательной деятельности субъекта и процессе принятия решений // Вестник академии права и управления. 2013. № 30. С. 157–165.

¹² Письмо Минобрнауки России от 03.08.2015 № 08-1189 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по воспитанию антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов»). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

¹³ Приказ Минобрнауки России от 27.10.2014 № 1382 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 51.02.01 «Народное художественное творчество (по видам)». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

¹⁴ ГОСТ Р ИСО 9004-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23.11.2010 № 501-ст). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

¹⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.11.2018 № 41-П «По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки И.В. Сергиной». Мнение судьи Конституционного Суда

Российской Федерации К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации № 41-П от 14.11.2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

¹⁶ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и период 2019 и 2020 годов (утв. Банком России). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

¹⁷ Тихомиров Ю.А. Живое право // Труды института государства и права российской академии наук ценности и образы права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Ю.А. Тихомиров. Москва, 2007. № 4. С. 45.

¹⁸ Агамиров К.В. Прогнозирование в теории и социологии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 4.

2018 года по делу № 1-170/2018 установлено, что освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является правом суда и осуществляется по его усмотрению, обусловленному в том числе **интуицией**, знанием дела, опытом и уверенностью в последующем позитивном поведении лица, **освобождаемого от ответственности**¹⁹; в Постановлении Новоспасского районного суда № 1-1060/2018 от 23 ноября 2018 года по делу № 1-1060/2018 установлено, что освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим является правом суда и осуществляется по его усмотрению, обусловленному в том числе **интуицией**, знанием дела, опытом и уверенностью в последующем позитивном поведении лица, **освобождаемого от ответственности. Прекратить уголовное дело** в отношении С., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 264 УК РФ, в связи с примирением с потерпевшим²⁰.

Посредством **негативной интуиции** судом предполагается наименее благоприятный прогноз при решении конкретного дела. Например, в Приговоре Октябрьского районного суда г. Орска от 23 октября 2018 года по делу № 1-336/2018 установлено, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон является правом, а не обязанностью суда, и осуществляется по его усмотрению, обусловленному **интуицией**, знанием обстоятельств уголовного дела, опытом и уверенностью в последующем позитивном поведении лица, в отношении которого решается вопрос о прекращении уголовного дела... Суд приговорил О. **признать виновным** в совершении преступления, предусмотренного пунктом «з» части 2 статьи 112 УК РФ и **назначить ему наказание** в виде лишения свободы на срок 1 (один) год, с отбыванием наказания в колонии-поселении²¹.

В приведенных примерах как рациональная позитивная, так и рациональная негативная интуиция суда при исследовании фактических обстоятельств дела является непосредственной рационально-профессиональной судебной интуицией, поскольку судебное познание осуществлялось не только с помощью интуиции. В рассматриваемых примерах суд руководствовался прежде всего знанием обстоятельств дела и профессиональным опытом. Таким образом, судебная рационально-профессиональная интуиция (позитивная и негативная) представляет собой бессознательную форму познания, основанную на профессиональной и личной способности судьи логически мыслить, позволяющую прини-

мать решения посредством анализа фактических обстоятельств дела, сбалансированные с учетом профессионального опыта.

Но анализ судебной практики позволил выявить также и случаи, когда участники судебного процесса выражали свои сомнения, что непосредственная интуиция суда при исследовании фактических обстоятельств дела, лежащая в основе принятого судом решения, не основывалась на рациональной основе, тем самым выявляя нерациональное интуитивное судебное познание. Например, в апелляционном определении Волгоградского областного суда от 5 июля 2013 года по делу № 22К-3194/2013 установлено, что в апелляционной жалобе защитник подозреваемой Т. адвокат Н., выражая несогласие с постановлением суда, считает его незаконным, необоснованным и просит отменить... обращая внимание, что при применении меры пресечения **суд должен основываться не на интуиции**, а на базе конкретных доказательств²².

Таким образом, анализ практических примеров позволил прийти к выводу, что как непосредственная рационально-профессиональная негативная интуиция суда, так и непосредственная иррациональная интуиция суда могут являться основанием для дальнейшего оспаривания судебного решения.

Следующим видом интуиции является **опосредованное познание суда интуитивного познания участников процесса**. Данный вид интуитивного познания также представлен двумя видами:

- иррациональная интуиция участников процесса;
- рационально-профессиональная интуиция участников процесса.

В качестве примера иррациональной интуиции участников судебного процесса можно привести следующее судебное решение. В апелляционном определении Томского областного суда от 13 апреля 2015 года по делу № 22-119/2015 установлено, что Р. подтвердил свои показания на предварительном следствии, при этом указал источник своей осведомленности о возможном участии К. — **собственная интуиция, что не учитывается судом**²³. Таким образом, иррациональная интуиция участников судебного процесса судом не учитывается, что, как правило, прямо устанавливается в судебном решении.

Также не учитывается судом и рационально-профессиональная интуиция участников судебного процесса. Например, в решении от 9 марта 2017 года по делу № 2-118/2017 «**суд критически относится к выводам специалистов** организация I в части... при проведении исследования проектная документация системы водоснабжения не истребовалась,

¹⁹ Постановление Харабинского районного суда (Астраханская область) № 1-170/2018 от 27 ноября 2018 г. по делу № 1-170/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

²⁰ Постановление Новоспасского районного суда (Ульяновская область) № 1-1060/2018 от 23 ноября 2018 года по делу № 1-1060/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

²¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Орска (Оренбургская область) № 1-336/2018 от 23 октября 2018 года по делу № 1-336/2018. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

²² Апелляционное определение Волгоградского областного суда (Волгоградская область) № 22К-3194/2013 от 5 июля 2013 года по делу № 22К-3194/2013. URL: <https://sudact.ru> (Дата обращения: 13.11.2019).

²³ Апелляционное определение Томского областного суда (Томская область) № 22-119/2015 от 13 апреля 2015 г. по делу № 22-119/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

сведения об отключениях воды не запрашивались, **выводы основаны на личном опыте и интуиции»²⁴**.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют, что интуитивное познание участников судебного процесса (иррациональное, рационально-профессиональное) в процессе установления фактических обстоятельств дела судом не учитывается.

Проведенное исследование позволило прийти к некоторым выводам:

— иррациональное познание в судебном правоприменении непосредственно связано с судебной интуицией;

— интуитивное познание в процессе судебного правоприменения может быть представлено в трех формах:

²⁴ Решение № 2-118/2017 2-118/2017(2-3569/2016;)-М-3359/2016 2-3569/2016 М-3359/2016 от 9 марта 2017 года по делу № 2-118/2017. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 13.11.2019).

1) непосредственная рационально-профессиональная интуиция суда (негативная и позитивная);

2) непосредственная иррациональная интуиция суда;

3) опосредованное познание суда, полученное путем анализа интуитивного познания участников процесса;

— судебная рационально-профессиональная интуиция (позитивная и негативная) представляет собой бессознательную форму познания, основанную на профессиональной и личной способности судьи логически мыслить, позволяющую принимать решения посредством анализа фактических обстоятельств дела, сбалансированные с учетом профессионального опыта;

— судебной рационально-профессиональной интуиции присущи признаки юридического прогнозирования.

Литература

1. Абраменкова В.С. К вопросу о роли интуиции в установлении истины по уголовным делам / В.С. Абраменкова // Виктимология и профилактика правонарушений : сборник научных трудов. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1979. С. 102–107.
2. Агамиров К.В. Прогнозирование в теории и социологии права : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.В. Агамиров. Москва, 1987. 18 с.
3. Блохин П.Д. Индукция, аналогия, интуиция в конституционно-судебном познании: попытка логико-правового исследования / П.Д. Блохин // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2 (50). С. 11–23.
4. Власенко Н.А. Категории «неопределенность» и «определенность» в исследовании современного права / Н.А. Власенко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 8–17.
5. Дмитриева В.А. Феномен интуиции в познавательной деятельности субъекта и процессе принятия решений / В.А. Дмитриева // Вестник академии права и управления. М. : Акад. права и управления, 2013. № 30. С. 157–165.
6. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография / В.В. Ершов. Москва : РГУП, 2018. 627 с.
7. Казимирчук В. Внутреннее судебское убеждение и интуиция / В. Казимирчук // Советская юстиция. 1958. № 5. С. 18–22.
8. Степанов В.В. Интуиция и ее роль в деятельности следователя и суда / В.В. Степанов // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы : межвузовский научный сборник. Вып. 1. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 22–28.
9. Сырых В.М. История и методология юридической науки : учебник / В.М. Сырых. Москва : Норма: ИНФРА-М, 2012. 464 с.
10. Тихомиров Ю.А. Живое право / Ю.А. Тихомиров // Труды института государства и права российской академии наук ценности и образы права. 2007. № 4. С. 33–44.
11. Чашегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе / Н.А. Чашегорова // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4 (13). С. 70–74.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

ОСОБЕННОСТИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

ШАРАФУТДИНОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат психологических наук, доцент
Shnv_70@mail.ru

ПРОСТЯКОВ ВЛАДИМИР ВЕНИАМИНОВИЧ,
кандидат психологических наук
prost2012@mail.ru

Статья посвящена проблеме девиантного (отклоняющегося) поведения в подростковом и юношеском возрасте. В статье описаны возрастные и поведенческие особенности подросткового и юношеского возраста, некоторые виды девиантного поведения, особенности и мотивация лиц, склонных к отклоняющемуся поведению. Уделено внимание на различие в классификации мотивации личности, склонной к отдельным видам девиантного поведения, и сложности в создании единого подхода. Обращено внимание читателей на необходимость своевременной профилактической и коррекционной работы по проблеме девиантного поведения личности и важности в понимании психологии лиц, склонных к отклоняющемуся поведению, к научному объяснению данной проблемы.

Ключевые слова: поведение, девиантное (отклоняющееся) поведение, личность, мотив.

PECULIARITIES OF DEVIANT BEHAVIOR OF TEENAGERS AND ADOLESCENTS

SHARAFUTDINOVA NATALYA V.
PhD (Psychology), Associate Professor

PROSTYAKOV VLADIMIR V.
PhD (Psychology)

The article is devoted to the problem of deviant (deviant) behavior in adolescence and youth. The article describes the age and behavioral characteristics of adolescence and youth, some types of deviant behavior, characteristics and motivation of people prone to deviant behavior. Attention is paid to the differences in the classification of personality motivation, prone to certain types of deviant behavior and the difficulty in creating a unified approach. Readers' attention was drawn to the need for timely preventive and corrective work on the problem of personality deviant behavior and the importance in understanding the psychology of individuals prone to deviant behavior, to a scientific explanation of this problem.

Keywords: behavior, deviant (deviant) behavior, personality, motive.

Проблема отклоняющегося поведения в подростковом и юношеском возрасте в силу специфики данного возраста всегда являлась предметом внимания психолого-педагогической науки и практики, государственных организаций и широкого круга общественности.

«Интерес к проблеме, связанной с девиантным поведением подростков, не случаен потому, что в России девиантное поведение растет быстрыми темпами. Увеличение числа носителей отклоняющегося поведения, умножение их видов и форм, создают неблагоприятную среду для общества, преодолеть которую может оказаться делом весьма сложным»¹.

Сегодня в России продолжается социальное расслоение общества, увеличивается «расстояние» между людьми, имеющими разный социальный статус, продолжаются экономические и социаль-

ные реформы, что, безусловно, оказывает и негативное влияние на подрастающее поколение. Все это сказывается на условиях адаптации и социализации подростков, их сознании и поведении, которое часто характеризуется девиантностью или девиациями.

Социальные кризисные процессы, происходящие в современном обществе, отрицательно влияют на психологию людей, порождая тревожность и напряженность, озлобленность, зависть, жадность, жестокость, неудовлетворенность, переходящих в агрессию, враждебность.

По мнению многих авторов, подростковый и юношеский возраст охватывает период с 11 до 19 лет, включающий «два подпериода»²: 11–15 лет — подростковый возраст, 16–19 лет — юность.

Особое внимание педагогов и психологов в этот период направлено на изучение развития психических познавательных процессов и физического раз-

¹ Простяков В.В. Психолого-педагогические причины и условия, влияющие на формирование девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 24.

² Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 319.

вития. Подобное внимание обусловлено физиологическими и психологическими изменениями личности (появление психических новообразований, изменения ведущей деятельности, формирования характера и направленности и т.п.).

От инфантильного детского предпубертатного периода (изменение щитовидной железы и гипофиза и проч.) до пубертатного (резкие изменения темпа роста костной и мышечной систем, обмена веществ и проч.) и, наконец, до полного созревания личности проходят существенные ее изменения. К 15–17 годам завершается половое созревание, наступает физиологическая и анатомическая зрелость, формируются базовые черты характера, направленность, определяющие всю дальнейшую ее жизнь. Именно в этот период развития личности, в возрасте до 15 лет, ведущей деятельностью является общение в процессе деятельности, а в возрасте 15–17 лет — учебно-профессиональная деятельность. От включенности индивида в этот период развития личности в тот или иной социальный институт (просоциальный, асоциальный, антисоциальный) многое предопределяет ее дальнейшее развитие. Внимание педагогов и психологов должно быть направлено на максимальную занятость подростков и юношей социально-одобряемой деятельностью в просоциально направленных группах.

Помимо учета психологии социальных институтов при исследовании девиантного поведения в подростковом и юношеском возрасте, важно учитывать индивидуально-психологические особенности личности, особенности познавательных процессов (память, речь, мышление, ощущения, восприятие, представления, воображение), особенности психических образований, свойств и состояний. Это обусловлено еще и тем, что подростки особо переживают свое отношение к окружающим событиям и действительности, к самому себе, давая обратную связь, используя различные вербальные и невербальные средства общения и проявляя ее в различных формах поведения. Данный возраст — ключевой в процессе становления эмоционально-волевой регуляции личности, что важно учитывать при организации деятельности лиц подросткового и юношеского возраста.

Так как в целом для подросткового возраста характерны разнообразные переживания, резкая смена настроения, импульсивность, разнообразие чувств, расширение круга общения и интересов, развитие самосознания, то поведение личности в ряде случаев может характеризоваться как агрессивное, конфликтное, враждебное, не соответствующее социальным, юридическим нормам и т.д. Как следствие, подросток с подобным поведением, деструктивными установками и несформированным правовым сознанием не находит общего языка с окружающими людьми, не признает общие нормы морали, чем противопоставляет себя существующим общественным ценностям, нормам и правилам, сталкивается с различными трудностями на пути к удовлетворению своих потребностей, целей.

Подобные психологические особенности подростка приводят к тому, что он тяжело справляется с возникающими трудностями. В то же время развитие личности невозможно представить без сопротивления как со стороны окружающих, так и ввиду внутреннего противоборства. Подросток же с делинквентным поведением стремится в первую очередь удовлетворить свои потребности, не имея желания развиваться, что, в свою очередь, часто приводит к деструктивным последствиям.

Еще одной особенностью лиц данного возраста является актуализация потребностей в принадлежности к социальной группе, в признании, дружбе, автономии и самоутверждении. Особого внимания заслуживает и исследование мотивации поведения личности.

«...На данный момент не удалось ученым создать исчерпывающую классификацию психологических типов преступников в связи с разнообразием научных подходов, видов преступлений, мотивов поступков и проч... М.И. Еникеев, В.Е. Эминов, Ю.М. Антонян выделяют следующие типы корыстных преступников: алкогольный, дезадаптивный, семейный, утверждающийся, игровой. Например, среди убийц часто встречается самоутверждающийся тип, среди грабителей, хулиганов — игровой тип, среди насильников — «отвергаемый» тип с проблемами в сфере межличностных отношений. В.В. Романов предлагает разделять преступников на два основных типа: социально-адаптивный, социально-дезадаптивный. Различают следующие мотивы антисоциальной деятельности: замещающие, защитные, игровые, самооправдания, самоутверждения (статусные). Таким образом, мотивы антисоциальной деятельности могут быть самыми разнообразными. Отдельными мотивами, побуждающими к противоправным действиям, могут быть: потребности в удовольствии, самоутверждении, одобрении и проч. К делинквентности могут привести желания, требующие немедленного удовлетворения, чувства гнева, отчаяния, обиды, зависти, недоверия и проч. Очевидно, что первично при изучении психологии личности с делинквентным поведением ставится задача по исследованию мотивов ее поведения и внутриличностных конфликтов»³.

К мотивам суицидального поведения относятся мотив бегства от жизни, «желания положить конец своим страданиям в виде единственного возможного способа избавиться от тревоги, от «невыносимости», от «бессмысленности» жизни и от «постоянной борьбы»; манипулятивный мотив (желания добиться своего от окружающих, например, любви, признания, расположения и проч.)»⁴.

«К мотивам агрессивного поведения можно отнести мотив разрушения, устранения, использования и нанесения вреда. Поддерживается такое поведение деструктивными установками на когнитивном уровне, подтверждающими правиль-

³ Шарафутдинова Н.В. Психология девиантного поведения : учебно-методическое пособие. М. : АРКТИ, 2019. С. 63.

⁴ Там же. С. 94.

ность такого поведения, предрассудками, мифами и убеждениями»⁵.

Виды мотивации аддиктивного алкогольного поведения по Короленко и Донских включают в себя атарактическую, субмиссивную, гедонистическую мотивацию, а также мотивацию с гиперактивацией поведения и псевдокультурную.

Таким образом, предпринятые попытки в разработке классификаций мотивов отклоняющегося поведения личности — это дополнительный ресурс для научного объяснения психологии личности и группы, поведенческой психологии. Приведенные в статье лишь некоторые примеры классификаций мотивов отклоняющегося поведения по отдельным его видам свидетельствуют об отсутствии единого подхода к ее созданию. На наш взгляд, достичь согласия в этом вопросе не представляется возможным из-за разнообразия видов и форм девиантного поведения личности и групп.

⁵ Там же. С. 51.

Таким образом, как было сказано выше, на формирование девиантного поведения личности влияют накопленный ранее опыт, индивидуально-психологические особенности личности и социальные условия ее развития. «Учет психологических особенностей несовершеннолетних, результатов анализа типичных ситуаций, динамики социальных общественных процессов, влияющих на состояние и поведение несовершеннолетних, позволяет объяснить психологию девиантного поведения личности правонарушителя и правильно организовать профилактическую и коррекционную работу»⁶. Понимание психологии личности и группы, своевременная профилактика и коррекция способствуют минимизации негативных социально-психологических явлений в обществе.

⁶ Шарафутдинова Н.В., Простяков В.В., Марьясис И.Б., Гончарова Е.М. Социально-психологические детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 12.

Литература

1. Простяков В.В. Психолого-педагогические причины и условия, влияющие на формирование девиантного поведения несовершеннолетних / В.В. Простяков // Юридическая психология. 2011. № 1. С. 24–26.
2. Психология человека от рождения до смерти. Психологический атлас человека / под редакцией А.А. Реана. Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 651 с.
3. Шарафутдинова Н.В. Психология девиантного поведения : учебно-методическое пособие / Н.В. Шарафутдинова. Москва : АРКТИ, 2019. 208 с.
4. Шарафутдинова Н.В. Социально-психологические детерминанты девиантного поведения несовершеннолетних / Н.В. Шарафутдинова, В.В. Простяков, И.Б. Марьясис, Е.М. Гончарова // Юридическая психология. 2019. № 1. С. 8–12.

Общероссийский студенческий диспут «Трансформация исторических событий как технология ведения информационной войны»

24 апреля 2020 г. в Общественной палате Российской Федерации пройдет Общероссийский студенческий диспут «Трансформация исторических событий как технология ведения информационной войны», посвященный 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Основная цель обсуждения — определение последствий исторических трансформаций событий Великой Отечественной войны, раскрытие современных технологий искажения информации, при помощи которых оказывается воздействие на общество и, в частности, студенческую молодежь.

В рамках мероприятия будут работать следующие дискуссионные площадки:

- мультимедийные технологии в средствах массовой информации как инструмент ведения информационной войны;
- киберпространство в контексте распространения фейковой информации, место фактчекинга в современной журналистике;
- роль интернет-каналов, телевидения, театра и кино в формировании искаженного мировоззрения;
- информационно-психологическая война и манипуляции общественным сознанием.

По результатам студенческого диспута в Издательской группе «Юрист» будет подготовлен сборник статей.

За более подробной информацией рекомендуем обращаться по тел.: 8 (495)610-20-00 доб. 270, + 7(925)641-23-83

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У ПОДРОСТКОВ

АГУРЕЕВА ВАЛЕРИЯ АНДРЕЕВНА,
магистрант факультета психологии
Московского государственного областного университета
valeriy_dream@mail.ru

МИТАСОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА,
доцент кафедры психологического консультирования
Московского государственного областного университета,
профессор кафедры психологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
evmitasova@gmail.com

В данной статье представлен анализ понятия психологического просвещения и жизнестойкости в подростковом возрасте в отечественной и зарубежной литературе.

Ключевые слова: жизнестойкость, развитие жизнестойкости, психологическое просвещение, особенности подросткового возраста.

PSYCHOLOGICAL EDUCATION AS A MEANS OF THE DEVELOPMENT OF TEENAGE RESILIENCE

AGUREEVA VALERIA A.
Graduate Student of the Faculty of Psychology of the Moscow Region State University

MITASOVA ELENA V.
Associate Professor of the Department of Psychological Consulting
of the Moscow Region State University
Professor of the Department of Psychology of the Military University
of the Ministry of Defence of the Russian Federation

This article presents the analysis of the concept of psychological education and resilience in adolescence in domestic and foreign literature.

Keywords: resilience, development of resilience, psychological education, especially adolescence.

В настоящее время изучение темы повышения уровня жизнестойкости у подростков становится актуально ввиду постоянно нарастающего внешнего давления: со стороны школы — предстоящие постоянно усложняющиеся экзамены, к которым начинают готовить с детства; со стороны родителей, которые хотят, чтобы дети приносили лишь хорошие оценки, даже дома не дают отдыха, отправляя на кружки и к репетиторам; со стороны СМИ, которые теперь с детьми всегда и везде благодаря гаджетам, интернету и, разумеется, телевидению.

Для достижения успеха в современном обществе важно уметь быстро адаптироваться к постоянно изменяющимся правилам, диктуемым общественной системой. Данные условия для подросткового поколения можно назвать стрессогенными, приводящими к общему снижению чувства безопасности и защищенности, потери их жизнестойкости.

Современное общество — это общество потребителей. Востребован готовый материал, который

прост в применении, не сопутствует включению мышления или коммуникативных навыков реального межличностного общения. Примером такой продукции можно назвать гаджеты, которые приобрели колоссальную распространенность в наше время и позволяют легко найти необходимый готовый ответ на насущный вопрос или виртуального собеседника.

Современные подростки все больше находятся наедине с собой, растворяясь в придуманном мире с помощью различных гаджетов и даже не представляя без них своего существования. Во всемирной паутине у них целая жизнь, там есть все, что необходимо в этот трудный жизненный период становления личности: друзья, музыка, мультики, фотографии, группы по интересам — одним словом, все то, благодаря чему отпадает надобность выходить из комнаты, а следовательно, и попадать в реальный мир, где, разумеется, есть и свои трудности.

Однако покидать уютный виртуальный мир-комнату все же приходится, так как нужно учиться

в школе. Здесь и начинаются трудности. Подросток привык находиться в одиночестве, ему так комфортно. Но оказываясь за пределами квартиры и попадая в коллектив живых людей, с которыми даже ответ при разговоре надо дать сразу без возможности его обдумать, как в социальных сетях, подросток теряется, замыкается. Возникает необходимость приспособиваться к новой ситуации, что означает выход из привычной зоны комфорта.

Особенно трудно подросткам становится из-за внутриличностных конфликтов. Ведь развиваться в таком возрасте очень важно в кругу сверстников, обретая и отстаивая свою идентичность, что становится просто невозможным ввиду отгороженности подростка от внешнего «живого» мира и неспособности в нем существовать.

Современный подросток стремится побыстрее прожить день в реальном мире и вернуться обратно — туда, где ему спокойно, где не нужно контактировать ни с кем, кроме привычного гаджета.

Все это обуславливает необходимость изучения феномена жизнестойкости, которое предложил американский психолог Сальвадоре Мадди и которое понимается им как паттерн структуры установок и навыков, позволяющий превратить изменения в окружающей действительности в возможности человека¹.

В отечественной психологии разработка этой проблематики связана с исследованиями совладания со сложными ситуациями, описанными в работах А.В. Либина, Е.В. Либиной, смысла жизни и акме, изучением которых занимался В.Э. Чудновский, с проблемой жизнестойкости, описанного Д.А. Леонтьевым, личностно-ситуационного взаимодействия, разработанного Е.Ю. Коржовой, самореализации личности Л.А. Коростылевой, саморегуляции активности личности, о которой писали А.К. Осницкий и В.И. Моросанова.

В современной отечественной психологии предпринимаются попытки целостного осмысления личностных характеристик, ответственных за совладание с жизненными трудностями. Сюда можно отнести понятие о личностном потенциале, разрабатываемое Д.А. Леонтьевым на основе философских идей П. Тиллиха, Э. Фромма и В. Франкла. Угроза небытия становится неспецифической характеристикой не только экзистенциальной ситуации, но и обыденной жизненной ситуации и определяет существование человека. Тем более эта проблема актуальна для людей подросткового и молодого возраста, для которых сложности социальной адаптации и активности в принимаемых ими решениях наиболее значимы².

Согласно С. Мадди структура жизнестойкости включает в себя три компонента: *вовлеченность*, позволяющая чувствовать свою ценность и значимость; *контроль* — уверенность в возможности контроля и влияния на происходящие события; *принятие риска* — восприятие жизненной трудности как

источник опыта, способность действовать в ситуации отсутствия гарантий на успех³.

Исследование динамики развития жизнестойкости на разных возрастных этапах А.А. Быченковой, Е.В. Рубан позволило выделить особенности жизнестойкости у подростков. Уровень выраженности компонентов жизнестойкости у подростков сравнивался с показателями юношей и людей ранней зрелости. Были выявлены различия между подростками и юношами по общему показателю жизнестойкости, а также по отдельным компонентам — «*контроль*» и «*принятие риска*». У юношей общий показатель «*жизнестойкость*» выражен сильнее, чем у подростков.

Таким образом, они в большей степени способны выдерживать стрессовые ситуации, при этом сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая успешности деятельности. Более высокие показатели по шкале «*контроль*» в выборке юношей свидетельствуют о том, что им в большей степени, чем подросткам, свойственна независимость в выборе собственной деятельности и своего пути. А более высокие значения подростков по шкале «*принятие риска*» позволяют сказать о том, что у них более развита, чем у юношей, склонность действовать в отсутствие гарантий на успех.

Сравнительный анализ выраженности показателей жизнестойкости у подростков и людей ранней зрелости позволил выявить, что у лиц ранней зрелости все компоненты жизнестойкости выражены сильнее, чем у подростков. Таким образом, результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что жизнестойкость развивается с возрастом, что выражается в способности к успешному преодолению стрессогенных событий в жизни подрастающего поколения⁴.

Жизнестойкость начинает формироваться с детства и развивается всю жизнь, как система убеждений о себе, мире и отношениях с ним, которые позволяют выдерживать и преодолевать жизненные трудности. При этом жизнестойкость предполагает осознанное управление собственной жизнью, умение принимать ответственность за осуществляемые решения на себя, контролируя события собственной жизни.

Подростковый возраст, как период формирования личностной зрелости, является достаточно чувствительным для развития ценностных установок и, соответственно, жизнестойкости.

На наш взгляд, в деятельности школьного психолога, по возможности включения занятий с психологом в учебный процесс, наиболее эффективным средством развития жизнестойкости у подростков может служить психологическое просвещение, проводимое в форме лекций и мини-тренингов.

Об особом значении психологического просвещения во всех сферах жизни человека пишут все авторы немногочисленных научных работ в этой

¹ Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. М. : МГПУ, 2012. 152 с.

² Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М. : Смысл, 2006. 63 с.

³ Фоминова А.Н. Жизнестойкость личности. М. : МГПУ, 2012. 152 с.

⁴ Быченкова А.А., Рубан Е.В. Динамика развития жизнестойкости на разных возрастных этапах // Вестник магистратуры. 2014. № 12 (39). Т. IV. С. 51–58.

области. Психологическое просвещение ориентировано на создание условий для активного присвоения и использования человеком социально-психологических знаний в процессе жизнедеятельности, это особый вид деятельности по передаче научно обоснованных правил поведения человека в неординарных, кризисных ситуациях. Тем самым психологическое просвещение повышает психологическую компетентность людей, выполняя функции психопрофилактики.

Л.Ф. Чупров в своей книге «Психологическое просвещение в системе психопрофилактической работы практического психолога: Основы теории и методика» путем тщательного анализа литературы пришел к заключению, что психологическое просвещение является составной частью психопрофилактической работы психологов. В этой работе, изданной сравнительно недавно, автор попытался по крупицам собрать весь накопленный к тому моменту теоретический и методический опыт психологической науки по данной проблематике.

Но несмотря на это, в настоящий момент психологическое просвещение является самой неразработанной как в теоретическом, нормативном, так и в практическом плане формой и не имеет самостоятельного отражения в нормативных документах, регламентирующих работу практического психолога⁵.

Н.В. Лукьянченко также отмечает, что функции просвещения в практической психологии реализуются далеко не в полной мере и можно говорить о перспективах их разворачивания. Функциональность психологического просвещения можно рассматривать по отношению к собственной деятельности практического психолога, по отношению к конкретным людям и по отношению к обществу в целом⁶.

Исходя из этих слов, Н.В. Лукьянченко представила следующую классификацию функций психологического просвещения:

— мотивационная функция. То, что привлекло внимание, оказалось в фокусе сознания, становится

частью психического содержания субъекта, принимая в дальнейшем участие в определении акцентов значимости. Речь изначально суггестивна. Информирование людей несет в себе автоматический мотивационный потенциал. Услышанное или прочитанное в том или ином виде «срабатывает»;

— функция повышения осведомленности направлена на то, что знания становятся своего рода точками опоры для понимания и действий;

— функция активизации личностной и социальной рефлексии приводит к повышению субъектности, осмысленности существования.

Содержание психологического просвещения определяется согласно специфике, вида и профиля организации, уровня общей и психологической культуры информируемого субъекта и социальной ситуации⁷.

Интересную идею высказывает В.Э. Пахальян, говоря о том, что психологическое просвещение способствует формированию психологически здоровых установок, идей психологического здоровья и самореализации, что, на наш взгляд, особенно ценно для подросткового возраста и может быть раскрыто во множестве тем⁸.

Осуществление психологического просвещения в школе связано с трудностью в выделении времени для проведения занятия. На данный момент ученики образовательных организаций полностью погружены в учебный процесс, который начинается с 8 часов 30 минут утра и заканчивается в районе 17 часов вечера. Такое длительное присутствие в школе обусловлено обязательным посещением дополнительных занятий. В связи с этим ввести дополнительную нагрузку, которой является посещение занятий с психологом, сложная задача как для организаторов учебного процесса (завучи), так и для самих учеников, которые к концу дня становятся «обезвоженными» и обессиленными.

Наиболее приемлемым вариантом включения психологического просвещения в учебный процесс, согласно практике работы в школе, являются занятия по «Внеурочной деятельности».

⁵ Чупров Л.Ф. Психологическое просвещение в работе практического психолога // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6.

⁶ Лукьянченко Н.В. Психологическое просвещение в практической психологии (на примере научно-популярной лекции «Психология оптимизма») // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. № 4. С. 14–21.

⁷ Там же.

⁸ Пахальян В.Э. Служба практической психологии образования в России — 2015: «Куда идем мы с?..» // Психологическая служба. 2015. № 2 (43). С. 37–42.

Литература

1. Быченкова А.А. Динамика развития жизнестойкости на разных возрастных этапах / А.А. Быченкова, Е.В. Рубан // Вестник магистратуры. 2014. № 12-4 (39). С. 51–58.
2. Кузнецова Ю.А. Военнослужащие по контракту, как объект психологического просвещения в рамках развития навыков саморегуляции / Ю.А. Кузнецова, Е.В. Митасова // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса : материалы международной конференции XI Левитовские чтения в МГОУ (г. Москва, 20–21 апреля 2016 года) : сборник научных статей / ответственный редактор М.О. Резванцева. Москва : Московский государственный областной университет, 2016. С. 259–264.
3. Леонтьев Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. Москва : Смысл, 2006. 63 с.
4. Лукьянченко Н.В. Психологическое просвещение в практической психологии (на примере научно-популярной лекции «Психология оптимизма») / Н.В. Лукьянченко // Журнал практической психологии и психоанализа. 2012. № 4. С. 14–21.
5. Пахальян В.Э. Служба практической психологии образования в России — 2015: «Куда идем мы с?..» / В.Э. Пахальян // Вестник практической психологии образования. 2015. № 2 (43). С. 37–42.
6. Фомина А.Н. Жизнестойкость личности / А.Н. Фомина. Москва : МГПУ, 2012. 152 с.
7. Чупров Л.Ф. Психологическое просвещение в работе практического психолога / Л.Ф. Чупров // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6.

КОМПЛЕКСНАЯ СУДЕБНАЯ ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ: ДИАГНОСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНДУЦИРОВАНИЯ РЕБЕНКА

САФУАНОВ ФАРИТ СУФИЯНОВИЧ,
руководитель лаборатории психологии
Национального медицинского исследовательского центра
психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского,
заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии
Московского государственного психолого-педагогического университета,
доктор психологических наук, профессор
safuanovf@mail.ru

КАЛАШНИКОВА АННА СЕРГЕЕВНА,
старший научный сотрудник лаборатории психологии
Национального медицинского исследовательского центра
психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского,
доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии
Московского государственного психолого-педагогического университета,
кандидат психологических наук
info@serbsky.ru

ПЕРЕПРАВИНА ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА,
младший научный сотрудник лаборатории психологии
Национального медицинского исследовательского центра
психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского,
преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии
Московского государственного психолого-педагогического университета
119034, Москва, Кропоткинский пер., 23

ЧЕРНЕНЬКОВ АРТЕМ ДМИТРИЕВИЧ,
младший научный сотрудник лаборатории психологии
Национального медицинского исследовательского центра
психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского
avtor@lawinfo.ru

В статье обоснован алгоритм выявления психологического индуцирования ребенка совместно проживающим родителем в рамках судебной экспертизы. Разработана типология отношения ребенка к отдельно проживающему родителю. Даны критерии ограничения формирования негативного отношения ребенка к отдельно проживающему родителю вследствие психологического индуцирования от других типов отношения ребенка.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, интересы ребенка, развод, психологическое индуцирование, воспитание.

COMPLEX JUDICIAL PSYCHOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION IN CHILDREN'S INTEREST PROTECTION CASES: DIAGNOSTICS OF THE PSYCHOLOGICAL INDUCTION OF A CHILD

SAFUANOV FARIT S.
Head of the Psychological Laboratory
of the V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry
and Narcology Head of the Department of Clinical and Judicial Psychology
of the Faculty of Legal Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education
Doctor of Psychology, Professor

KALASHNIKOVA ANNA S.
Senior Research Scientist of the Psychological Laboratory
of the V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology
Associate Professor of the Department of Clinical and Judicial Psychology of the Faculty of Legal Psychology
of the Moscow State University of Psychology and Education
PhD (Psychology)

PEREPRAVINA YULIA O.

Junior Research Scientist of the Psychological Laboratory
of the V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology
Lecturer of the Department of Clinical and Judicial Psychology
of the Faculty of Legal Psychology
of the Moscow State University of Psychology and Education

CHERNENKOV ARTEM D.

Junior Research Scientist of the Psychological Laboratory
of the V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology

The article justifies the algorithm of identification of the psychological induction of a child by the parent having physical custody within the framework of a forensic examination. Classification of the child's attitude to the non-custodial parent is developed. The authors give criteria for demarcation of the establishment of the child's negative attitude to the non-custodial parent as a result of psychological induction from other child's attitude types.

Keywords: complex judicial psychological and psychiatric examination, child's interests, divorce, psychological induction, upbringing.

В практике производства судебно-психологических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ) в последние годы отмечается устойчивый рост случаев привлечения психологов к решению судебных споров, связанный с защитой интересов детей, особенно в рамках высококонфликтных разводов¹.

После расторжения брачно-семейных отношений родители в большинстве случаев в целом преодолевают негативное отношение друг к другу, обиду и желание мести и, руководствуясь интересами ребенка, исполняют свои обязанности по его воспитанию, помогают ему адаптироваться к новой жизненной ситуации и реализуют его право на общение с отдельно проживающим родителем.

Вместе с тем 8–12% семей не могут прийти к соглашению о порядке воспитания детей ввиду не только высококонфликтных отношений между собой, но и вовлечения детей в супружеский конфликт. Такое вовлечение рассматривается как психотравмирующий опыт для ребенка и является непосредственным нарушением его интересов и прав². При расторжении брака и отсутствии соглашения, а также в случае, если это соглашение нарушает интересы детей или одного из супругов, определение места жительства ребенка производится в судебном порядке.

Важным фактором судебного решения об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей или порядка встреч ребенка с отдельно проживающим родителем является учет мнения ребенка. Оно зависит от сформировавшегося у него отношения к каждому родителю. Можно выделить 4 типа отношения к отдельно проживающему родителю: негативное, конфликтное (противоречивое, амбивалентное),

недифференцированное и позитивное. При этом в ряде случаев выявляется несовпадение выражаемого мнения ребенка с его истинным отношением. Одним из факторов формирования негативного отношения к отдельно проживающему родителю является индуцирование ребенка совместно проживающим родителем.

Материал и методы исследования. Выполнен психологический анализ 108 КСППЭ по делам об определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей или порядка встреч отдельно проживающего родителя с ребенком, проведенных в НМИЦ ПН им. В.П. Сербского в 2016–2019 годах. Психологическому обследованию подвергались ребенок и оба родителя.

Использовался традиционный для судебной экспертизы набор методов: помимо психологического анализа материалов гражданского дела с приобщенными к нему материалами и экспериментально-психологического исследования главное внимание уделялось методу клинико-психологической беседы, наблюдению (в том числе в ситуации организованной совместной деятельности родителя и ребенка). Для родителя стандартный набор методик включал методики «Методика многостороннего исследования личности», «16-факторный опросник личности Кеттелла», «Анализ семейных взаимоотношений», «Взаимодействие родитель — ребенок», «Семейные эмоциональные коммуникации». При работе с детьми применялись «Индивидуально-типологический детский опросник», «Тест-фильм Рене-Жиля», «Два дома», «Семейная социограмма», «Золотая рыбка», «Рисунок семьи».

В качестве признаков индуцирования со стороны совместно проживающего родителя в целях формирования у ребенка негативного отношения к другому родителю рассматривались:

— акцентирование внимания ребенка на опыте негативного взаимодействия с отдельно проживающим родителем;

— вовлечение ребенка в родительский конфликт с фиксацией отрицательного отношения к отдельно проживающему родителю;

¹ Вострокнутов Н.В., Харитоновна Н.К., Сафуанов Ф.С. Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей : методические рекомендации. М. : РИО Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. 28 с.

² Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. 2-е изд., испр. М. : Генезис, 2012, 192 с.

— внушение ребенку конкретных негативных установок в отношении отдельно проживающего родителя.

Диагностика психологического индуцированного состояния ребенка учитывала совокупность проявлений на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях.

Признаки индуцированного состояния на эмоциональном уровне:

— негативное или амбивалентное (конфликтное) отношение к одному из родителей;

— сверхценное, идеализирующее, порой некритичное психологическое отношение ребенка к родителю, с которым он проживает;

— эмоционально насыщенное изложение отрицательных сведений об отдельно проживающем родителе.

Признаки индуцированного состояния на когнитивном уровне:

— обвинения, которые предъявляет ребенок к отдельно проживающему родителю, не соответствуют действительности (не подтверждаются обследованием родителя, материалами гражданского дела и проч.), однако соответствуют (иногда дословно) претензиям к бывшему супругу со стороны родителя, проживающего совместно с ребенком;

— образ отвергаемого родителя является неглубоким и искаженным, зачастую нереальным, скажочным;

— изменение характера воспоминаний об отдельно проживающем родителе и о периоде совместного проживания: дети либо не могут вспомнить ни одного положительного эпизода, либо активно рассказывают о неприятных событиях, связанных с отвергаемым родителем, свидетелями которых они не могли быть;

— избыточная осведомленность ребенка в деталях бракоразводного процесса, имущественных споров, интимной жизни отвергаемого родителя.

Признаки индукции на поведенческом уровне:

— декларирование устойчивого набора стереотипных «взрослых» фраз в отношении семейной ситуации и отвергаемого родителя;

— регрессивные формы поведения при появлении отдельно проживающего родителя;

— отказ от любых форм взаимодействия с отвергаемым родителем;

— сопровождение контакта с ним в ситуации экспертизы выраженными признаками стресса — тремором конечностей, дрожанием губ, гиперемией лица, прекращением вербального контакта и проч.

Результаты. Исследование выявило 8 типов отношения ребенка к отдельно проживающему родителю.

1. *Отсутствие негативного отношения к отдельно проживающему родителю.* И отец, и мать включены ребенком в образ семьи. Для детей в возрасте от 3 до 5 лет характерно сохранение ориентации на диаду «мама — папа» даже после развода родителей. Для детей раннего подросткового возраста свой-

ственно более сдержанное, нейтральное отношение к отдельно проживающему родителю в ситуации отсутствия активного включения в семейный конфликт. В ряде случаев отсутствие декларирования негативной информации при нейтральном отношении к родителю, проживаемому отдельно, связано с адаптацией к «новой» семье: родители — опекуны, отчим — мачеха. При этом взаимодействие с новым членом семьи носит эмоционально теплый, гармоничный характер. Положительный образ обоих родителей и желание ребенка контактировать с обоими родителями свидетельствует об отсутствии включенности несовершеннолетнего в супружеский конфликт. Даже если имеют место негативные высказывания родителей в отношении друг друга, они для ребенка не значимы, вследствие чего у него сохраняется позитивный образ семьи и себя в ней. При наличии эмоционально теплого и конструктивного взаимодействия ребенка и родителя в ситуации экспертизы выносятся экспертное решение об отсутствии негативного влияния индивидуально-психологических особенностей родителя и его стиля воспитания и воспитательных позиций на психическое состояние и психологическое развитие ребенка.

2. *Негативное или амбивалентное отношение к отдельно проживающему родителю, обусловленное его неправильным поведением.* Такое поведение по отношению к ребенку (например, жесткое обращение) наблюдается еще до начала супружеского конфликта, в период совместного проживания. В этом случае ребенок обычно не включен в семейный конфликт, но отношение ребенка к родителю негативное. Однако оно обусловлено не индуцирующим влиянием второго родителя, а закономерно вытекает из истории детско-родительских отношений. В этом случае мнение ребенка можно считать самостоятельным, а негативное влияние личности и стиля родительского воспитания определяется у отдельно (а не совместно) проживающего родителя.

3. *Декларирование ребенком негативной информации об отдельно проживающем родителе при положительном психологическом отношении к нему.* Декларация негативной информации носит следы влияния со стороны родителя, с которым проживал ребенок. Это диагностируется по малому, повторяющемуся набору фраз обычно отрицательного, но формального и стереотипного характера в отношении отдельно проживающего родителя по сведениям, которые ребенок мог узнать только от родителя, с которым он проживает, или его родственников. Собственно психологического индуцирования не наблюдается. Негативные высказывания отца или матери в адрес отдельно проживающего родителя отличаются низкой степенью осознанности (в частности, непониманием негативных последствий для ребенка) и отсутствием целенаправленных действий по созданию негативного образа другого родителя. Действия и слова родителя в большей мере обусловлены его отрицательными эмоциональными переживаниями по поводу раз-

вода, обиды на бывшего супруга и отсутствии психологических ресурсов контроля своих эмоций и поведения. В данном случае может быть вынесено решение об отсутствии негативного влияния индивидуально-психологических особенностей родителя и его стиля воспитания на психическое состояние и психологическое развитие ребенка. Однако при содержательном описании воспитательной позиции родителя отмечается степень активности действий взрослого: от отсутствия ограждения ребенка от вовлечения в супружеский конфликт до вынесения родительского конфликта в сферу детско-родительских отношений вследствие несогласия с воспитательными методами и личностными характеристиками другого родителя.

4. *Формирование у ребенка негативного образа отдельно проживающего родителя вследствие конфликта лояльности.* У ребенка отмечается выраженный внутренний конфликт, в связи с которым он вынужден (осознанно или неосознанно) скрывать свои чувства к отдельно проживающему родителю, чтобы сохранить расположение того родителя, совместно с которым он проживает. При неосознаваемом конфликте лояльности отмечается амбивалентное отношение к отдельно проживающему родителю, проявляющееся чаще всего внешней отвергающей позицией при внутренней глубокой потребности в контактах с ним. Если такое поведение ребенка не сопряжено с воспитательной стратегией совместно проживающего родителя по созданию негативного образа второго родителя, а обусловлено в большей мере личностными особенностями ребенка, то решение комиссии экспертов будет заключаться в констатации отсутствия негативного влияния особенностей личности и воспитания родителя на психическое состояние и развитие ребенка.

5. *Признаки индуцирования со стороны родителя, с которым ребенок проживает, без формирования негативного / конфликтного отношения к отдельно проживающему родителю.* Дети сообщают, что родитель, с которым ребенок проживает, или другие родственники «наговаривали» на отдельно проживающего родителя. Например, ребенок говорит, что бабушка просила называть ее «мамой» и «забыть о прежней маме». Экспертное решение в данном случае аналогично решению в предыдущей группе — отсутствие негативного влияния индивидуально-психологических особенностей родителя и его стиля воспитания на психическое состояние и психологическое развитие ребенка. При содержательном описании воспитательной родительской позиции рекомендуется отметить стремление повлиять на мнение ребенка об отдельно проживающем родителе. В отношении ребенка на период обследования сформированного индуцированного состояния не выявлено.

6. *Конфликтное отношение ребенка к отдельно проживающему родителю вследствие процесса индуцирования со стороны совместно проживающего родителя.* Индуцирующее влияние близкого родителя

уже оказало влияние на психологическое отношение ребенка к отдельно проживающему родителю, о чем свидетельствуют стереотипные «взрослые» фразы отрицательного характера, порой выраженные негативные эмоции в адрес отдельно проживающего родителя. Вместе с тем ребенок соглашается на взаимодействие с этим родителем, иногда включает его в образ семьи. Высказывания родителя-индуктора носят осознанный характер, их цель — сформировать у ребенка негативный образ другого родителя, чтобы исключить его из воспитательного процесса. Однако чаще всего ранее сформированная привязанность ребенка ко второму родителю, определяя именно конфликтное, а не сугубо негативное отношение к нему, на данном этапе семейного конфликта не приводит к возникновению в полной мере индуцированного состояния. В данном случае выносится решение о наличии негативного влияния стиля родительского воспитания и воспитательной позиции родителя на психическое состояние и особенности психологического развития ребенка, проявляющиеся в намеренном (целенаправленном) формировании негативного образа второго родителя. Однако у ребенка сформированных психологических признаков индуцированного состояния не выявляется.

7. *Негативное отношение к отдельно проживающему родителю вследствие конфликта лояльности, сопряженного с индуцирующим воздействием со стороны совместно проживающего родителя.* Сложный механизм формирования индукции обусловлен сочетанием выраженного внутреннего конфликта (конфликта лояльности), разрешаемого ребенком путем отвержения одного из родителей для того, чтобы можно было бесконфликтно существовать рядом с другим родителем, и целенаправленными действиями совместно проживающего родителя по созданию негативного образа бывшей супруги / супруга. В данном случае действие механизмов психологической защиты, призванных сохранить целостность восприятия мира ребенка и его представлений о себе, становится плодотворной почвой для восприятия несовершеннолетним негативных установок одного из родителей по отношению ко второму. Вследствие совокупности указанных факторов у ребенка формируется стойкое негативное отношение к отдельно проживающему родителю, ребенок не включает его в образ семьи, категорически отказывается от любой формы взаимодействия с ним (так как теплое принимающее отношение такого родителя может сильно травмировать ребенка, выстроившего себе совершенно иную модель семейных отношений и событий). В большей мере психологической индукции по данному механизму подвержены дети, вступающие в подростковый период. В этих случаях выносится экспертное решение о наличии у ребенка психологического индуцированного состояния, а у родителя-индуктора — негативного влияния его воспитательной позиции на психическое состояние и особенности психологического развития ребенка.

8. *Стойкое негативное отношение к отдельно проживающему родителю вследствие процесса индукции со стороны совместно проживающего родителя.* Ребенок не включает отдельно проживающего родителя в образ семьи (в проективных методиках), существенно искажает его реальный образ (например, представляет родителя как психически больного или злоупотребляющего алкоголем человека). В ряде случаев у ребенка могут даже встречаться идеи отношения в результате воздействия со стороны совместно проживающего родителя. Например, мальчик 7 лет отказывается от принесенных матерью сладостей, опасаясь, что она могла добавить в них снотворное, чтобы «выкрасть» его. Характерным является изменение автобиографической памяти. Дети не могут вспомнить ни одного приятного эпизода, связанного с отвергаемым родителем. Они воспроизводят исключительно негативные эпизоды, даже те, свидетелями которых они не могли быть в силу своего возраста. Отмечается высокая включенность ребенка в семейный конфликт, декларирование устойчивого набора стереотипных «взрослых» фраз, негативно характеризующих отдельно проживающего родителя, отсутствие достаточной критики к собственным высказываниям и противоречиям, эмоциональная заряженность в отношении отдельно проживающего родителя, зачастую регрессивные формы поведения при взаимодействии с отвергаемым родителем. Так, подросток 14 лет замуривал глаза и закрывал руками уши, когда отец хотел показать ему альбом с фотографиями, на которых они запечатлены вместе с мамой. Обвинения отвергаемого родителя, которые высказывает ребенок, не находят подтверждения в материалах гражданского дела, но при этом полностью соответствуют тем обвинениям, которые предъявляет к отдельно проживающему родителю его бывший супруг / супруга. В этих случаях выносятся экспертные решения о наличии у ребенка психологического индуцированного состояния, а у родителя-индуктора — о негативном влиянии его воспитательной позиции на психическое состояние и особенности психологического развития ребенка. При этом следует отметить, что индуктором может являться не только совместно проживающий родитель, но и другой член новой семьи, например, отчим или мачеха. В таких случаях негативное

влияние совместно проживающего родителя отсутствует, однако отмечается его непротивление вовлечению ребенка в созданный взрослыми конфликт.

Исследование позволило также выделить возрастные особенности подверженности ребенка индукции со стороны совместно проживающего родителя.

В возрасте 3–6 лет наблюдается наименьший риск развития индукции. Даже если выявляются признаки негативного отношения к отдельно проживающему родителю, ребенок все равно чаще всего соглашается на взаимодействие с ним в ходе проведения психологического обследования. В процессе взаимодействия при некоторых усилиях отдельно проживающего родителя контакт довольно быстро налаживается и признаки индуцированного состояния редуцируются. Следует также отметить, что данная возрастная группа наиболее легко поддается психокоррекционной работе по восстановлению гармоничного образа семьи.

В возрасте 7–11 лет дети наиболее чувствительны к индуцирующему воздействию, вследствие которого у них уже обнаруживается в редких случаях конфликтное (амбивалентное), чаще стойкое негативное отношение к отдельно проживающему родителю. Дети такого возраста крайне эмоционально реагируют на семейный конфликт. Большую роль в конкретных проявлениях психологической индукции играет длительность периода раздельного проживания ребенка и отвергаемого родителя, а также частота и регулярность встреч с ним. Чем дольше у ребенка и отдельно проживающего родителя отсутствует контакт, тем значительнее у ребенка проявления индуцированного состояния.

В возрасте 12–18 лет образ отдельно проживающего родителя сильно искажен. Даже если ребенок уже длительный период не общается с отдельно проживающим родителем и семейный конфликт для него уже не является лично значимым и насыщенным сильными эмоциональными переживаниями, в ситуации КСППЭ он чаще всего категорично отказывается от любых контактов со вторым родителем. Данная группа детей является наименее благоприятной в отношении возможности последующего восстановления отношений с отдельно проживающим родителем и наиболее трудной для исполнения производства.

Литература

1. Вострокнутов Н.В. Методологические основы экспертного подхода к правовой защите детей : методические рекомендации / Н.В. Вострокнутов, Н.К. Харитонова, Ф.С. Сафуанов. Москва : РИО Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. 28 с.
2. Сафуанов Ф.С. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка / Ф.С. Сафуанов, Н.К. Харитонова, О.А. Русаковская. 2-е изд., испр. Москва : Генезис, 2012. 192 с.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram! Анонсы мероприятий, фотоотчеты и свежие новости нашего издательства. Подписывайтесь!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

КАРАЯНИ АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России,
профессор Военного университета,
доктор психологических наук, профессор
karayani@mail.ru

КОРОЛЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА,
психолог Военно-морской академии
vunc-vmf@mil.ru

ВОЛОШИНА ЮЛИЯ БОРИСОВНА,
начальник группы Центра психологической
работы Северного флота, старший лейтенант
avtor@lawinfo.ru

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме психологической подготовки моряков-подводников. В настоящее время идет развитие материальной базы флота, усложняется военно-морская техника, увеличивается продолжительность походов, расширяется круг и содержание решаемых задач. Возрастают требования к объему и качеству знаний, умений и навыков, совершенствуются способы ведения боевых действий на море. Учебная и боевая деятельность моряков-подводников проходит в условиях неопределенности, неизвестности, опасности, в замкнутом в информационном, социальном и физическом пространстве. Все это актуализирует проблему психологической подготовки моряков-подводников на различных этапах выполнения учебно-боевых задач. Накопленный опыт психологической подготовки моряков позволяет решать на единой методологической основе задачи формирования их психологической устойчивости, сплоченности, высокой мотивации к решению учебных и боевых задач, поддерживать оптимальные психические состояния в ходе боевых походов.

Ключевые слова: психологическая подготовка, психологическая адаптация, замкнутое пространство, информационная депривация, социальная изоляция.

PSYCHOLOGICAL TRAINING OF SUBMARINE PERSONNEL

KARAYANI ALEKSANDR G.
Chief Research Scientist of the National Research Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Professor of the Military University
Doctor of Psychology, Professor

KOROLEVA IRINA N.
Psychologist of the Naval Academy

VOLOSHINA YULIA B.
Group Head of the Psychological Center of the Northern Fleet
Senior Lieutenant

The article is devoted to the current topic of psychological training of submariners. At present, the material base of the fleet is being developed, the naval equipment is becoming more complex, the duration of the campaigns is increasing, the range and content of the tasks being solved are expanding. Requirements to the volume and quality of knowledge, skills and abilities are increasing, methods of conducting combat operations at sea are being improved. Training and combat activities of submariners take place in conditions of uncertainty, danger, in a space confined to the informational, social and physical sense. All this actualizes the problem of psychological preparation of submariners at various stages of combat training tasks. The accumulated experience of psychological training of seafarers allows solving, on a single methodological basis, the tasks of forming their psychological stability, cohesion, high motivation to solve training and combat tasks, and maintain optimal mental states during combat trips.

Keywords: psychological training, psychological adaptation, confined space, informational deprivation, social isolation.

Военные события в мире и опыт участия российских войск в борьбе с терроризмом в САР убедительно подтверждают простую истину о том, что

войны выигрываются не столько человеческими массами, изощренными боевыми технологиями, танками, кораблями, самолетами, сколько людь-

ми, обладающими государственно-патриотическим мировоззрением, мотивацией, морально-боевыми, психологическими и нравственными качествами.

Критически сложная, по-настоящему взрывоопасная военно-политическая обстановка в современном мире требует внимательного и ответственного отношения к психологической подготовке военнослужащих. Строящаяся система военно-политической работы требует не просто научных положений, связанных с психологической подготовкой, сегодня нужны новые, прорывные идеи в этой области, идеи, позволяющие поднять психологическую подготовку военнослужащих до уровня саморегулирующейся системы, живо откликающейся на реалии не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Построение такой системы требует по-настоящему большой работы по тщательной инвентаризации того, что создано в теории и практике морального духа воинов¹.

Для того чтобы система психологической подготовки отвечала на вызовы времени, она должна ориентироваться в психологическом многообразии сегодняшних войн, которые могут происходить в наземном, подводном, подземном, надводном, воздушном, информационном, социальном пространствах, опираться на наработки и достижения психологии экстремальной деятельности, критически оценивать опыт зарубежных коллег, прежде всего военных психологов Великобритании, Израиля, Канады, Китая, США и других стран, по крупицам собирать все, что наработано в войсковых частях и соединениях военными психологами-энтузиастами.

Психологическая подготовка будет действительно эффективной только тогда, когда будет соответствовать психологическому своеобразию среды, в которой военнослужащий осуществляет деятельность².

¹ Проект такой системы представлен в работах: Караяни А.Г., Корчемный П.А. Психологическая подготовка боевых действий. М.: ВУ, 2016; Караяни А.Г. Направления и принципы использования программных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих // Аппаратные средства в психологической подготовке: материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур «Научно-методические аспекты использования программно-аппаратных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих (Москва, 25 октября 2015 г.) / под ред. А.Г. Караяни, С.И. Данилова. М.: ВУ, 2018; Караяни А.Г., Утлик Э.П. Психологическая подготовка: от боя к учебе и от учебы в бой // Юридическая психология. 2018. № 2. С. 23–27; Караяни А.Г. Психологическая подготовка в свете вызовов настоящего и будущего // Основные направления совершенствования психологической подготовки войск (сил): материалы научно-практической конференции: сборник статей. М.: Главное управление по работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации, 2018. С. 28–39.

² Караяни А.Г., Корчемный П.А., Марченков В.И. Психологическая подготовка боевых действий войск. М.: ВУ, 2011; Караяни А.Г. Корчемный П.А. Психологическая подготовка боевых действий. М.: ВУ, 2016; Караяни А.Г. Психологическая подготовка в свете вызовов настоящего и будущего // Основные направления совершенствования психологической подготовки войск (сил): материалы научно-практической конференции: сборник статей. М.: Главное управление

Например, в наземном пространстве военнослужащий может встретиться как с высокотехнологическим противником, обладающим самыми современными боевыми технологиями, в том числе ядерным оружием, так и иррегулярными формированиями, диверсантами, террористами, партизанскими действиями, актами неповиновения, саботажем, с широким применением ловушек, самодельных взрывных устройств. Все это создает конкретную психологическую реальность, в которой военнослужащий должен быть готов действовать в условиях внезапности, неопределенности, новизны.

В наземном пространстве выделяются качественно специфические зоны, в которых человеческие ощущения, восприятие, чувства функционируют по-особому. Изменяются психодинамические свойства, требуется максимальное задействование нервно-психических резервов. Это горы, пустыни, Арктика, зоны радиоактивного и химического заражения. Например, воин может прекрасно действовать на равнинной местности или в лесу, а в горах, где понижено атмосферное давление и парциальное давление кислорода, быстро изменяются очертания ландшафта в процессе движения, он может показать недостаточную психологическую готовность. В арктическом районе однообразный ландшафт, отсутствие четких ориентиров, плохая видимость в период полярной ночи, неустойчивая работа компаса из-за частых магнитных бурь существенно затрудняет ориентирование военнослужащего на местности, взаимодействие и ведение прицельного огня. В условиях применения ядерного оружия у военнослужащих могут наблюдаться радиобоязнь, перерастающая в ядерный невроз. Из-за страха получить смертельную дозу радиации воин может отказать брать в руки оружие, пить, есть и утратить психологическую готовность сражаться.

Психологически сложным для многих военнослужащих является подземное пространство. Боевые тоннели, кyarизы, подземные коммуникации широко используются боевиками в Сирии. Для подземной борьбы с противником требуются люди особого склада, специально подготовленные не только в боевом, но и в психологическом отношении. Такие воины должны быть способными действовать в одиночестве, в темноте, в тесных ходах, в средствах защиты и в постоянной опасности встретиться с ловушкой, миной, засадой. В боевых действиях в воздушном пространстве новые психологические эффекты создает все более широкое применение беспилотных разведывательных и ударных летательных аппаратов. В этих условиях особо важными качествами становятся бдительность, наблюдательность, дисциплина маскировки.

Уже сегодня многие эксперты оценивают последствия войны в киберпространстве, в том числе психологические, как наиболее драматические из возможных последствий военного противоборства.

по работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации, 2018. С. 28–39.

По оценкам зарубежных военных экспертов неожиданное нарушение функционирования систем разведки, анализа, боевого управления, связи, коммуникаций может вызвать у военнослужащих ощущение катастрофы, дезорганизации управления, покинутости, предательства и породить панику.

Пространство морских акваторий создает особую боевую реальность. Здесь проявляется эффект «витринности», ощущения оторванности от главных сил. Оценки коллективных настроений и чувств могут быть как положительными, активизирующими деятельность личности и коллектива, так и отрицательными, тормозящими эту деятельность. В плавании настроения экипажа характеризуются повышенной эмоциональной возбудимостью, обостренной реакцией на поступающую информацию от командования, с других кораблей и соединений.

Таким образом, анализ возможных пространств современной войны позволяет утверждать, что в них будут остро и масштабно проявляться такие факторы, как неизвестность, неопределенность, противоречивость, новизна, внезапность, опасность, напряженность.

Перечисленные психологические факторы будут отличаться выраженной спецификой в разных пространствах и конкретных обстоятельствах боя. Поэтому нужны специальные «горная», «арктическая», «подземная», «подводная» и другие виды подготовки³.

Цель статьи — проанализировать важнейшие аспекты системы психологической подготовки моряков-подводников, опираясь на психологическую модель деятельности на подводной лодке, с учетом психологических явлений, характерных для замкнутого пространства.

В основу системы подготовки моряков-подводников была заложена формула К. Левина для описания поведения, в которой фиксировалась зависимость поведения человека от личностных качеств и психологических факторов окружающей среды. Изучение показывает, что существенное влияние на поведение военнослужащего оказывает характер и организация реализуемой им деятельности (наличие факторов новизны, неизвестности, неопределенности, опасности; степень соответствия средств и способов деятельности ее цели и т.д.). Исходя из этого, мы уточнили формулу поведения, предложенную Левиным, и предложили формулу учебной и боевой деятельности моряков-подводников: $D = L + C + D$, где L — индивидуально-личностные особенности военнослужащего, C — состояние среды (социальной, информационной, деятельностной), D — особенности осуществления деятельности (действующие факторы, такие как опасность, новизна, неизвестность, неопределенность,

интенсивность, ответственность, соотношение активной деятельности, отдыха, сна и др.)⁴. При таком подходе психологическая подготовка моряков-подводников будет нацеливаться на все составляющие, отраженные в данной формуле.

Предлагаемая схема психологической подготовки моряков-подводников к деятельности в условиях замкнутого пространства плотно насыщенного техническими устройствами и оружием, в обстановке относительной социальной изоляции, информационной истощаемости, «витринности» повседневного проживания, когда все акты жизнедеятельности военнослужащего осуществляются на виду у окружающих, сенсорной депривации, бедной двигательной активности и т.д. основывается на системной методологии, интегрирующей научные положения о личности человека, действующего в крайне неблагоприятных жизненных условиях и непрерывном мониторинге морально-психологического состояния экипажа подводной лодки, уровня его устойчивости и управляемости. Она позволяет значимо повысить адаптационный потенциал у моряков-подводников, выработать у них чувство повышенной психологической готовности к деятельности в специфических условиях комплексного воздействия психогенных факторов, сформировать устойчивые навыки надежного управления своими психическими состояниями и поведением в ограниченном пространстве⁵.

Деятельность военных моряков-подводников имеет свои особенности. Экипаж подводной лодки в ходе подготовительного этапа перед выходом в море решает несколько задач одновременно: подготовка технических средств подводной лодки (ПЛ) к выполнению задач боевой службы; погрузка боезапаса; отработка и сдача курсовых задач; проверки вышестоящим командованием; несение вахтенной службы. В этот период у военнослужащих накапливается психоэмоциональное напряжение, которое оказывает значительное влияние на морально-психологическое состояние моряков-подводников⁶.

Специфика деятельности подводников в море заключается в длительном пребывании в ограниченном пространстве при высокой степени ответственности за результаты деятельности. Особая об-

³ Караяни А.Г. Психологическая подготовка в свете вызовов настоящего и будущего // Основные направления совершенствования психологической подготовки войск (сил) : материалы научно-практической конференции : сборник статей. М. : Главное управление по работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации, 2018. С. 28–39.

⁴ Караяни А.Г., Корчемный П.А., Марченков В.И. Психологическая подготовка боевых действий войск. М. : ВУ, 2011.

⁵ Королева И.Н., Караяни А.Г., Закревский Ю.Н. Влияние психологической групповой сплоченности у моряков-подводников на выполнение задач повседневной и учебно-боевой деятельности // Армия и общество. 2015. № 4. С. 16–20 ; Королева И.Н. Пути повышения психологической адаптации военных прокуроров к выполнению задач в условиях длительных морских походов // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 16–19.

⁶ Броневицкий Г.А., Зуев Ю.П., Столяренко А.М. Основы военно-морской психологии. М. : Воениздат, 1977 ; Королева И.Н., Караяни А.Г., Закревский Ю.Н. Влияние психологической групповой сплоченности у моряков-подводников на выполнение задач повседневной и учебно-боевой деятельности // Армия и общество. 2015. № 4. С. 16–20 ; Маслов Н.Б. Соотношение основных нервных процессов у подводников // Военно-медицинский журнал. 1978. № 9.

становка замкнутого пространства лодки подчиняет себе все общие, коллективные и личностные интересы. Обитаемость и практическое использование подводниками объектов техники подводной лодки и комплексов вооружения формирует специфический вид активного субъекта, который интегрирует в единое целое конструктивную, технологическую, биологическую и информационную составляющие. Совокупность этих составляющих формирует обитаемость корабля как динамическое явление, активно влияющее на психическое здоровье личного состава подводной лодки. При всем разнообразии трудностей, испытываемых подводниками, они относительно стабильны: условия профессиональной деятельности, самопредъявление личностных качеств в особых условиях, специфические бытовые условия⁷.

Напряженный фон профессиональной деятельности включает в себя три составляющие: информационную, эмоциональную, коммуникативную. Мощная «техническая среда» имеет сильное психологическое воздействие. Количество приборов дает чрезвычайно большой поток разнообразной информации, моментальный анализ которой для принятия грамотного решения и ответных действий в строгой ответственности в целях выполнения поставленных задач и достижения определенного результата требует напряженной умственной работы, большого объема знаний и практических навыков. При возникновении аварийной ситуации на подводников воздействуют такие факторы, как внезапно возникшая опасность, неопределенность, новизна обстановки, дефицит времени, увеличение темпа деятельности, необходимость выполнения несколько разнородных действий, информационная перегрузка или, наоборот, недостаточность информации. Деятельность военнослужащего приобретает стрессовый характер, а степень нервного напряжения может достигать наивысшего предела. При высоком психоэмоциональном напряжении снижается гибкость и быстрота мышления, падает скорость приема информации, возможно ее искажение и частичное ее выпадение⁸.

⁷ Абчук В.А. Теория риска в морской практике. СПб.: Судостроение, 1999. С. 152; Агавелян В.С., Митькин А.Л. Всесоюзная конференция по проблемам функционального комфорта и функциональных состояний человека // Вопросы психологии. 2007. № 6; Алхимов Н.Н. Гигиенические условия плавания и психологический микроклимат экипажа корабля. СПб.: Воен. мед. академия им. С.М. Кирова, 2012. С. 62; Апчел В.Я., Цыган В.Л. Стрессоустойчивость человека. СПб.: ВМА, 1999. С. 88; Беляев Г.С., Лобзин В.С., Копылова И.А. Психологическая саморегуляция. СПб.: Медицина, 1977. С. 160; Бедрышев В.В., Новожилов Г.Н. О работоспособности судовых специалистов в период ночных вахт // Военно-медицинский журнал. 2015. № 15; Броневский Г.А., Зуев Ю.П., Столяренко А.М. Основы военноморской психологии. М.: Воениздат, 1977; Маслов Н.Б. Соотношение основных нервных процессов у подводников // Военно-медицинский журнал. 1978. № 9; Мосягин П.И., Марунык С.В. Психология катастроф: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Прогресс, 2008.

⁸ Закревский Ю.Н., Караяни А.Г., Королева И.Н., Клименко К.Р. Структура и лечение острых психогенных реакций у пострадавших в морских катастрофах // Врач-аспирант. 2015. Т. 72. № 5. С. 83–89; Маслов Н.Б. Соотношение основных

Высокое нервно-психическое перенапряжение у моряков-подводников может возникать не только в экстремальных ситуациях, а и в условиях монотонности их повседневной жизнедеятельности, бедности их двигательной активности. Однообразное выполнение движений и действий порождает чувство неудовлетворенности. Военнослужащий, не умеющий сдерживать это психическое состояние, становится вялым, безучастным, тяготится своей службой. Большую роль в преодолении состояния монотонности играет мотивированность.

В периоды ракетных или торпедных атак монотонность сменяется резким нарастанием нагрузки на психику. Повышается возбудимость, баланс рационального и эмоционального нарушается в сторону эмоций, возникает утомляемость и колебания работоспособности.

Утомление проявляется в различных формах. В одних случаях оно захватывает только отдельные функции. В других случаях работоспособность полностью теряется, и подводник нуждается в абсолютном отдыхе, прежде всего в сне.

К стрессогенным факторам следует также отнести десинхроты. В первые дни боевой службы организм подводника в новых условиях продолжает функционировать в привычном режиме. Синхронизация биологического времени с астрономическим происходит постепенно в течение двух недель.

Пространственная организация ограниченных по объему служебных постов, «витринность» не дает возможности подлинного уединения, ограничивает индивидуальную потребность в изоляции в свободное от вахты время.

В сильной степени воздействует на состояние нервной системы и характер межличностных отношений. Вторжение в личное пространство может вызвать негативные реакции. Антипатия может возникать не только в результате сознательной деятельности, но и на эмоциональной основе. Резкое уменьшение информационного поля и ограничение получения внешней информации создают информационную изоляцию. Потеря контактов с близкими родственниками отрицательно воздействует на эмоциональную сферу. Все это ведет к развитию информационно-сенсорной депривации.

Таким образом, можно сделать вывод, что специфические особенности службы воздействуют на моряков-подводников не изолированно, а влияют на функциональное состояние одновременно и комплексно, вносят существенную корректировку в служебную деятельность⁹.

нервных процессов у подводников // Военно-медицинский журнал. 1978. № 9; Мосягин П.И., Марунык С.В. Психология катастроф: учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Прогресс, 2008.

⁹ Королева И.Н. Пути повышения психологической адаптации военных прокуроров к выполнению задач в условиях длительных морских походов // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 16–19.

С учетом специфических факторов подводной лодки и индивидуально-личностных особенностей моряков-подводников, таких как нервно-психическая устойчивость и поведенческая регуляция, самооценка, коммуникативный потенциал, мотивация достижений, тревожность, уровень групповой сплоченности и психологической совместимости в экипаже, были определены условия, способствующие устойчивой психологической готовности военнослужащих к деятельности в замкнутом пространстве, и разработана структура их психологической подготовки. Такая подготовка учитывает специфику предстоящих задач каждого экипажа, характерные черты корабельного коллектива, его традиции, количество молодых специалистов, опыт предыдущих походов и т.д.

Одним из компонентов психологической подготовки является программа комплексной заблаговременной психологической адаптации подводников к деятельности в условиях ограниченного физического, информационного, социального пространства. Через различные формы психологического и социально-психологического обучения моряков приемам и методам управления психическим состоянием обеспечивалась продуктивная совместная служебная деятельность моряков-подводников. Оценка эффективности программы психологической адаптации осуществлялась в соответствии с организационно-целевыми, личностными, содержательно-методическими и результативными критериями, каждому из которых соответствовали определенные показатели. Методы психологической подготовки условно были разделены на четыре большие группы: демонстрационные, условно-ситуативные, реально-ситуативные, специальные¹⁰.

Условно-ситуативные методы нацелены на формирование и развитие профессионализма в конкретной специализации и направлены на развитие быстроты оперативно-тактического мышления. Используемые для моделирования конкретных деятельностных ситуаций «Прогнозные карты» учитывают характер взаимодействия с системой многочисленных функциональных связей, обеспечивающих управление подводной лодкой. В данном методе реализуется психологическая подготовка в форме «оперативных» скачков, когда, с одной стороны, целенаправленно создаются сложные ситуации, требующие принятия тактически грамотных решений и доведения военнослужащим задач в кратчайшие сроки, а с другой стороны, ограничение их во времени, необходимом для переключения на новую служебную доминанту.

Эффективным средством психологической подготовки моряков служит *психологическая поло-*

са препятствий. Военно-морская полоса препятствий для личного состава имеет отличия от общевойсковой полосы препятствий. Специальные контрольные упражнения развивают важные качества, обеспечивающие устойчивость к воздействию специфических факторов профессиональной деятельности моряков-подводников. Чтобы прохождения полосы не сводились исключительно к физическим и волевым нагрузкам, создавались нагрузки психологические, применяются дополнительные учебные задания. Они побуждают моряков быть бдительными, изучать окружающую обстановку на пути следования, запоминать мелкие детали обстановки (особенности предметов, количество элементов и т.д.).

С помощью *метода реальных ситуаций* отрабатывается комплексное использование средств психологической закалки военнослужащих. Борьба за живучесть является одним из основных методов психологической подготовки моряков-подводников. Роль психологических факторов в данной ситуации значительно возрастает в связи с тем, что борьба за ликвидацию аварии происходит в неблагоприятных условиях (высокие или низкие температуры, повышенная концентрация угарного газа, задымление корабельных помещений, пониженное процентное содержание кислорода, работа в тяжелом спасательном гидрокостюме, изолирующих противогасах и т.д.).

Комплексным средством психологической подготовки моряков-подводников являются *учебно-тренировочные комплексы (УТК)*. УТК помогает формировать важнейшие психические и личностные свойства военнослужащих, составляющие их психологическую устойчивость и способствующие их последующей адаптации к деятельности в замкнутом пространстве в условиях длительного морского похода. Работа в комплексе, моделирующем усложненную в психологическом отношении деятельность, способствует развитию у моряков когнитивных (умение сосредоточивать и переключать внимание в условиях дефицита времени, активировать интеллектуальные процессы и процессы принятия решений), эмоциональных (управление своими эмоциональными состояниями), волевых (способность преодолевать трудности), мотивационных (способность актуализировать мотивацию) и т.д.

Основной психологический прием, используемый в УТК, это введение дополнительного задания. Первоначально, при осуществлении борьбы за живучесть и посадке на спасательный плот, в качестве задания предлагается ведение наблюдения за сослуживцами. После завершения тренировки каждый военнослужащий в листе контроля деятельности отмечает свои действия (виды деятельности, их продолжительность, обнаруженные помехи) и действия товарищей, производит самоанализ. Затем осуществляется групповое обсуждение деятельности и выработка мер по исключению временных потерь.

¹⁰ Беляев Г.С., Лобзин В.С., Копылова И.А. Психологическая саморегуляция. СПб. : Медицина, 1977. С. 160 ; Закревский Ю.Н., Караяни А.Г., Королева И.Н., Клименко К.Р. Структура и лечение острых психогенных реакций у пострадавших в морских катастрофах // Врач-аспирант. 2015. Т. 72. № 5. С. 83–89.

Психологом фиксируется объективное качество работы в обстановке нарастающей психоэмоциональной нагрузки, основные психологические трудности, изменения в эмоционально-волевой сфере. Это дает возможность выстраивать индивидуализированные схемы психологической подготовки моряков с учетом оценки эффективности выполнения ими служебных задач, допущенных ошибок и просчетов.

Лист контроля хранится в карте мониторинга военнослужащего. В карте мониторинга находится созданный в процессе психологического изучения военнослужащего его психологический портрет, дающий возможность определить его персональный психологический ресурс, то есть соответствие индивидуально-психологических качеств и свойств личности требованиям предстоящей деятельности. Анализ такого ресурса, в свою очередь, позволяет осуществить прогноз успешности предстоящей учебно-боевой и боевой деятельности и выработать целевые рекомендации по формированию и сохранению психологической устойчивости к неблагоприятным факторам деятельностной среды подводной лодки.

В условиях службы на подводных лодках фактором психогенного риска выступает относительная социальная изоляция. Главной проблемой является недостаток информации. С целью профилактики информационно-эмоциональной депривации в комплексную программу заблаговременной адаптации моряков-подводников на подготовительном этапе подготовки экипажа к выходу в море включается создание источников информационно и эмоционально насыщенных источников, в частности, радиогазеты. Разработка ее тем и планов, с учетом специфики выполнения задач в море, осуществляется командованием подводной лодки, психологом, специалистами по военной политической работе. Задача радиогазеты заключается в том, чтобы рельефно подчеркнуть каждый день и дифференцировать его в общем счете, исполнять роль информатора и оказывать на членов экипажа моральное и эмоциональное влияние, мотивировать на успешную деятельность в условиях отрыва от земли. С ее помощью осуществляется координация действий экипажа, управление коммуникацией и формирование отношений, необходимых для достижения поставленных целей. Структура радиогазеты включает несколько разделов: новости дня, тематическую часть, аудиописьма от родных и близких, поздравления сослуживцев, различные конкурсы вопросов и ответов, викторин и т.д.

Литература

1. Абчук В.А. Теория риска в морской практике / В.А. Абчук. Санкт-Петербург : Судостроение, 1999. 150 с.
2. Агавелян В.С. Всесоюзная конференция по проблемам функционального комфорта и функциональных состояний человека / В.С. Агавелян, А.Л. Митькин // Вопросы психологии. 1977. № 6. С. 39–49.
3. Алхимов Н.Н. Гигиенические условия плавания и психологический микроклимат экипажа корабля / Н.Н. Алхимов. Санкт-Петербург : Военная медицинская академия им. С.М. Кирова, 2012. 62 с.
4. Апчел В.Я. Стрессоустойчивость человека / В.Я. Апчел, В.Л. Цыган. Санкт-Петербург : ВМА, 1999. 88 с.

Информационная составляющая радиовещания определяется общими задачами с учетом специфики плавания. Это информация о странах, в районе которых совершается плавание, их географическое положение, экономическое развитие, политическая ситуация, отношение к России. Особое внимание уделяется военной обстановке на морском театре. Дается подборка материалов об их истории, достопримечательностях, развитии культуры и науки в регионах России. Эта информация интересна тем, что о своих областях, краях, городах рассказывают сами уроженцы этих мест. Это предупреждает информационную истошаемость коллектива. Для того чтобы радиогазета в полном объеме выполняла свою задачу, в ее создании должен принимать участие широкий круг военнослужащих.

Радио-письма и поздравления родных и близких предупреждают развитие у моряков-подводников ощущение социальной изолированности.

Разноплановая информация и совместная деятельность военнослужащих по ее созданию вовлекают в общественную работу большое количество членов экипажа, что способствует сплочению коллектива, оживляет его жизнь, помогает снимать психологическое и моральное напряжение.

Критерием эффективности психологической подготовки моряков-подводников является оптимальное функционирование организма без нарушения физического и психического здоровья, сформированность социальных отношений в экипаже, мера соответствия поведения военнослужащих основным нормам и требованиям, которые предъявляются к морякам-подводникам при выполнении поставленных задач¹¹.

Таким образом, психологическая подготовка моряков-подводников должна быть превентивной, строиться на основе психологической модели конкретной учебно-боевой (боевой) деятельности, отражающей важнейшие психологические особенности физически замкнутого пространства, условия ограниченной социальной изоляции, информационной истошаемости, «витринности» повседневной жизни, сенсорной депривации. Она должна обеспечивать формирование у военнослужащих психологической устойчивости к стресс-факторам длительного морского похода, сохранение их психического здоровья, поддержание у них ощущения чувства локтя и высокой мотивации к выполнению учебно-боевых и боевых задач.

¹¹ Королева И.Н. Пути повышения психологической адаптации военных прокуроров к выполнению задач в условиях длительных морских походов // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 16–19.

5. Бедрышев В.В. О работоспособности судовых специалистов в период ночных вахт // Военно-медицинский журнал. 1978. № 1. С. 58–61.
6. Беляев Г.С. Психогигиеническая саморегуляция / Г.С. Беляев, В.С. Лобзин, И.А. Копылова. Санкт-Петербург : Медицина, 1977. 158 с.
7. Броневицкий Г.А. Основы военно-морской психологии / Г.А. Броневицкий, Ю.П. Зуев, А.М. Столяренко. Москва : Воениздат, 1977. 339 с.
8. Закревский Ю.Н. Структура и лечение острых психогенных реакций у пострадавших в морских катастрофах / Ю.Н. Закревский, А.Г. Караяни, И.Н. Королева, К.Р. Клименко // Врач-аспирант. 2015. Т. 72. № 5. С. 83–89.
9. Караяни А.Г. Психологическая подготовка боевых действий / А.Г. Караяни, П.А. Корчемный. Москва : Военный университет, 2016. 180 с.
10. Караяни А.Г. Психологическая подготовка боевых действий войск / А.Г. Караяни, П.А. Корчемный, В.И. Марченков. Москва : Военный университет, 2011. 188 с.
11. Караяни А.Г. Психологическая подготовка в свете вызовов настоящего и будущего // Основные направления совершенствования психологической подготовки войск (сил) : материалы научно-практической конференции (пос. Кубинка, 27–28 февраля 2018 г.) : сборник научных статей. Москва : ГУ по работе с личным составом ВС РФ, 2018. С. 28–39.
12. Королева И.Н. Влияние психологической групповой сплоченности у моряков-подводников на выполнение задач повседневной и учебно-боевой деятельности / И.Н. Королева, А.Г. Караяни, Ю.Н. Закревский // Армия и общество. 2015. № 4. С. 16–20.
13. Королева И.Н. Пути повышения психологической адаптации военных прокуроров к выполнению задач в условиях длительных морских походов / И.Н. Королева // Юридическая психология. 2015. № 3. С. 16–19.
14. Маслов Н.Б. Соотношение основных нервных процессов у подводников / Н.Б. Маслов // Военно-медицинский журнал. 1978. № 9.
15. Сидоров П.И. Психология катастроф : учебное пособие для студентов вузов / П.И. Сидоров, И.Г. Мосягин, С.В. Маруняк ; под редакцией П.И. Сидорова. Москва : Аспект Прогресс, 2008. 414 с.

Редакционная политика Объединенной редакции «Издательская группа «Юрист» запрещает:

1. Самоплагиат. В случае, если элементы научной статьи ранее были опубликованы, в том числе и в журналах Издательской группы «Юрист», автор обязан сослаться на ранее опубликованную работу. Дословное копирование собственных работ и их перефразирование не допускается, они могут быть использованы только в качестве основы для новых выводов.

2. Дословное копирование работы другого лица без указания его авторства, ссылки на источник и использования кавычек.

3. Некорректное перефразирование произведения другого лица, при котором было изменено более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения были расположены в ином порядке без соответствующей ссылки на источник. Существенное некорректное перефразирование (более 10 процентов оригинальной работы) без ссылки на источник приравнивается к дословному копированию.

4. Использование составных частей произведения другого лица без указания авторства, например, абзаца, рисунка или таблицы без указания ссылки на источник или использования кавычек.

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ «ПОЛИГРАФОЛОГОВ»

СВОБОДНЫЙ ФЕЛИКС КОНСТАНТИНОВИЧ,
доцент кафедры психологии и организации
правоохранительной деятельности Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
sfk_felix@mail.ru

В статье описываются и анализируются научные, юридические и технические ошибки при производстве исследований и экспертиз с использованием полиграфа. В качестве наиболее значимых научных ошибок указываются: неправильное название экспертизы — «психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа»; синонимичное употребление терминов «физиологическая реакция» и «психофизиологическая реакция», некорректная постановка вопросов к эксперту. Показывается, что юридические ошибки заключаются в основном в нарушении положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федерально-го закона о «Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: обман подэкспертного и причинение ему болевых ощущений, выход эксперта за пределы компетенций, формулирование экспертных выводов без производства исследований и др.

Ключевые слова: судебная психофизиологическая экспертиза, психологическая экспертиза, полиграф, ошибки, расследование преступлений.

TYPICAL MISTAKES OF POLYGRAPH EXAMINERS

SVOBODNY FELIKS K.
Associate Professor of the Department of Psychology and Arrangement
of Law Enforcement of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
PhD (Psychology), Associate Professor

The article describes and analyzes scientific, legal and technical errors in the production of studies and examinations using a polygraph. As the most significant scientific errors are indicated: the incorrect name of the examination - «psychophysiological examination using a polygraph»; synonymous use of the terms «physiological reaction» and «psychophysiological reaction», incorrect formulation of questions to the expert. It is shown that the legal errors are mainly in violation of the provisions of the Criminal procedure code of the Russian Federation and the Federal law on «State forensic activity in the Russian Federation»: deception of the expert and causing him pain, the expert beyond the competence, the formulation of expert conclusions without research, etc.

Keywords: forensic psychophysiological examination, psychological examination, polygraph, errors, investigation of crimes.

В настоящее время исследования с использованием полиграфа представляют собой достаточно масштабное явление и широко обсуждаются в периодической печати¹.

Несмотря на неоднозначное отношение к данному методу ученых и практиков, полиграф продолжает с разной степенью эффективности использоваться при раскрытии и расследовании преступлений (а также в системе отбора кадров) соответствующими подразделениями ФСБ, СК, МВД, ФСИН и др. Достаточно широко исследования с использованием полиграфа распространены и в сфере предпринимательской деятельности с привлечением «негосударственных» специалистов и экспертов.

В процессе становления любого вида человеческой деятельности неизбежно возникновение ошибок, негативно сказывающихся на эффективности

результатов этой деятельности и тормозящих ее развитие.

Деятельность лиц, занимающихся производством исследований и экспертиз с использованием полиграфа (так называемых «полиграфологов»), — не исключение: в ней тоже возникали, возникают и, скорее всего, еще будут возникать ошибки, детерминированные комплексом объективных и субъективных факторов. Поэтому для дальнейшего развития метода «полиграфных проверок», для более прочного закрепления этого метода в юридической практике необходимо постоянно анализировать возникающие ошибки, выявлять их причины и предпринимать меры по их профилактики.

Целью данной работы было выявление типичных ошибок полиграфологов при производстве исследований и экспертиз с использованием полиграфа в рамках расследования уголовных дел.

Для достижения данной цели были проанализированы 83 заключения специалистов и экспертов «полиграфологов» (как из государственных ор-

¹ Бельх-Силаев Д.В., Топорков А.А. Тактика назначения криминалистических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 12–16.

ганов, так и из частных структур), оформленные по результатам исследований и экспертиз с использованием полиграфа, выполненных в 2015–2018 годах в различных регионах Российской Федерации.

В результате проведенного исследования в материалах заключений полиграфологов были выявлены наиболее часто встречающиеся ошибки (а также неточности и спорные моменты), которые условно можно разделить на три вида: научные, юридические и технические.

Самой распространенной (и самой существенной, по моему мнению) научной ошибкой при производстве исследования (экспертизы) с использованием полиграфа является отнесение данного вида исследований в область психофизиологии. Обозначение в заключении эксперта такого вида судебной экспертизы, как «судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа», является научно некорректным.

Психофизиология — это область междисциплинарных исследований, направленных на причинное объяснение психических явлений путем раскрытия лежащих в их основе нейрофизиологических механизмов. Именно такое понимание предмета психофизиологии сегодня присуще ведущим ученым-психофизиологам, а также официально закреплено в документах, регламентирующих научную деятельность.

Так, например, профессор Нина Николаевна Данилова, автор курса «Психофизиология», который в течение многих лет читался ею на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, в своем учебнике подчеркивает, что сегодня психофизиология занимается исследованием таких проблем, как «нейронные механизмы ощущений, восприятия, памяти и обучения, мотивации и эмоций, мышления и речи, сознания, поведения и психической деятельности, а также межполушарные отношения, диагностика и механизмы функциональных состояний, психофизиология индивидуальных различий, принципы кодирования и обработки информации в нервной системе и др.»².

А как научная специальность «Психофизиология» согласно паспорту научных специальностей ВАК России имеет своим содержанием «физиологические основы психической деятельности и поведения человека»³.

Грамотным специалистам очевидно, что в процессе конкретного исследования с использованием полиграфа «физиологические основы психической деятельности и поведения человека» не изучаются и не интересуют ни специалиста, ни заказчика данного исследования.

К тому же, следуя названию «психофизиологическая», судебная экспертиза с использованием полиграфа должна проводиться лицом, имеющим высшее образование по специальности «психофизиология» или «психология», поскольку специаль-

ность «психофизиология» наряду с такими специальностями, как «медицинская психология», «социальная психология», «юридическая психология» и т.п., относится именно к психологическим наукам.

Здесь уместно указать на положительный опыт Следственного комитета Российской Федерации, в структурных подразделениях которого большое количество специалистов, занимающихся исследованиями с использованием полиграфа, имеют именно психологическое образование.

Автор настоящей работы неоднократно публиковал доказательства того, что экспертиза с использованием полиграфа по своей сущности, принципам, объектам, предметам, задачам и методологии относится именно к классу судебных психологических экспертиз и должна проводиться специалистом-психологом⁴.

С вышеуказанной ошибкой тесно связано частое синонимичное употребление в текстах заключений «полиграфологов» термина «психофизиологические реакции» и термина «физиологические реакции». Очевидно, что многие «полиграфологи» не осведомлены о значении данных терминов, о существенной разнице между ними. Так, например, боль — это психофизиологическая реакция⁵, а расширение зрачков при болевом раздражении — это реакция физиологическая⁶. В процессе исследования с использованием полиграфа этим прибором регистрируются некоторые изменения в физиологических процессах человеческого организма, то есть только физиологические реакции, психофизиологические реакции полиграф не регистрирует.

Значимой научной ошибкой является попытка многих экспертов сформулировать вывод на такой вопрос, поставленный заказчиком судебной экспертизы: «Выявляются ли в ходе психофизиологического исследования с использованием полиграфа психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гражданин... располагает информацией о деталях случившегося?..». Данный вопрос сформулирован некорректно с научной точки зрения, поскольку сами по себе физиологические реакции, регистрируемые с помощью полиграфа, напрямую не могут свидетельствовать о том, располагает или не располагает человек какой-либо информацией.

По мнению большинства отечественных ученых, занимающихся «проблематикой полиграфа», в основе принципа ПФИ лежит так называемый «психофизиологический феномен». Его суть заключается в том, что внешний стимул (слово, предмет или фотография), несущий человеку значимую

⁴ Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза: сущность и терминология // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 16–20.

⁵ «Боль — психофизиологическая реакция организма, возникающая при сильном раздражении чувствительных нервных окончаний, заложенных в органах и тканях». См.: Большой энциклопедический словарь. М., 2000.

⁶ «Реакция физиологическая зрачковая Берна — расширение зрачков при болевом раздражении нижней части тела». См.: Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. М., 2013.

² Данилова Н.Н. Психофизиология : учебник для вузов. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 5.

³ Паспорта научных специальностей. URL: <http://vak.ed.gov.ru/316>

в конкретной ситуации информацию о событии, запечатленном в его памяти, устойчиво вызывает физиологическую реакцию, превышающую реакцию на родственные (однородные) стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с упомянутым событием и не несущие человеку ситуационно значимой информации»⁷.

Однако физиологические реакции человека в ответ на конкретный предъявляемый стимул, имеющие более выраженный и устойчивый характер по сравнению с физиологическими реакциями на другие стимулы, прежде всего свидетельствуют о том, что данный стимул более значим для подэкспертного, чем другие стимулы.

Таким образом, регистрируемый полиграфом комплекс физиологических реакций (изменения динамики физиологических процессов дыхания, сердечно-сосудистой деятельности и т.п.) — это конкретный факт реальности. Факт наличия выраженных и устойчивых (в нескольких предъявлениях) физиологических реакций подэкспертного в ответ на предъявляемый ему стимул (вопрос) фактически свидетельствует только о значимости данного стимула (вопроса) для данного подэкспертного.

Поэтому специалисты, занимающиеся исследованиями с использованием полиграфа, должны вначале отдельно констатировать не имеющую вероятностного характера субъективную значимость для подэкспертного стимула, несущего информацию о расследуемом событии, а затем делать вероятностные выводы о причинах диагностированной значимости.

Значимость стимула может быть обусловлена совокупностью его физических, семантических (если в качестве стимула выступают слова), смысловых и других характеристик. Поэтому выводы о причинах диагностированной значимости всегда будут носить вероятностный характер, в отличие от вывода о значимости стимула, который не имеет вероятностного характера.

По мнению автора настоящей статьи, причины значимости конкретного стимула для конкретного человека в конкретных условиях адекватно определить может только психолог, использующий наряду с методом психологического эксперимента («тестированием на полиграфе») и другие методы психологической диагностики: наблюдение, психодиагностическая беседа, архивный метод и т.д. Поэтому к «работе на полиграфе» необходимо допускать только специалистов, имеющих высшее психологическое образование, а само «тестирование на полиграфе» нужно проводить только в системе психодиагностического исследования личности. В этом случае станет возможным среди различных причин значимости стимула выявлять те причины, которые обусловлены именно процессом узнавания личность знакомой ей информации, содержащейся в стимуле.

При условии успешного решения данной диагностической задачи станет возможным говорить о том, что обследуемый человек обладает конкретной (содержащейся в отдельном стимуле) информацией. А в случае предъявления испытуемому системы стимулов, содержащих информацию об обстоятельствах (деталях) расследуемого события, — об информированности личности о расследуемом событии⁸.

В связи с вышесказанным представляется наиболее адекватным включить в область компетенции исследований и экспертиз с использованием полиграфа следующие вопросы:

1. Обнаруживаются ли у обследуемого устойчивые и выраженные физиологические реакции при предъявлении ему раздражителей (стимулов), содержащих информацию о расследуемом событии?

2. Являются ли раздражители (стимулы), содержащие информацию о частных признаках расследуемого события, субъективно значимыми для обследуемого?

3. Является ли субъективная значимость для обследуемого раздражителей (стимулов), содержащих информацию о частных признаках расследуемого события, проявляющаяся в устойчивых и выраженных физиологических реакциях обследуемого, следствием того, что обследуемый обладает информацией об обстоятельствах (деталях) расследуемого события?

4. О каких обстоятельствах (деталях) расследуемого события обследуемый обладает информацией?

К юридическим ошибкам производства исследований и экспертиз с использованием полиграфа относятся нарушения правовых норм, регламентирующих порядок назначения и проведения судебных исследований (экспертиз) в отношении живого лица, а также правила оформления заключения эксперта. Производство судебных экспертиз в первую очередь регламентировано Конституцией Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ), Федеральным законом о «Государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ФЗ «ОГСЭД»).

Наиболее часто в проанализированных заключениях по результатам исследования (экспертизы) с использованием полиграфа встречаются ошибки, связанные с нарушением требований статьи 204 УПК РФ и статьи 25 ФЗ «ОГСЭД». Это отсутствие сведений о времени и месте производства судебной экспертизы, об имени и отчестве эксперта, его образовании, специальности, стажа работы и занимаемой должности (либо неправильное обозначение стажа, должности), о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения, о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы, о примененных методах исследования и т.д.

⁷ Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы // Вестник криминалистики. 2005. Вып. 2 (14). С. 49.

⁸ Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии: учебное пособие. Барнаул, 2015. 180 с.

Так, во многих анализируемых заключениях было указано, что специалист (эксперт), проводивший исследование с использованием полиграфа, имеет «стаж работы в должности полиграфолога». Понятие «полиграфолог» действительно содержится в ряде ведомственных инструкций по применению полиграфа, однако в Квалификационном справочнике должностей руководителей, специалистов и других служащих⁹, утвержденном Министерством труда Российской Федерации, такой должности, как «полиграфолог», не существует, соответственно, стаж работы в должности полиграфолога не исчисляется. Поэтому указание о стаже работы в «должности полиграфолога» в тексте официального документа (заключения специалиста, заключения эксперта) является недопустимым.

Весьма распространенной ошибкой при описании результатов экспертизы с применением полиграфа является также отсутствие в заключении эксперта результатов анализа материалов уголовного дела, предоставляемого эксперту для исследования. Этап анализа (детального изучения) материалов дела (протоколов следственных действий, заключений экспертов и т.п.) является обязательным этапом исследования (экспертизы) с использованием полиграфа, служит необходимой базой для последующих этапов — на это неоднократно указывали практически все ведущие специалисты в данной области¹⁰. В ходе данного этапа вычленяется информация для методически корректного составления вопросников (тестов), используемых в ходе «тестирования на полиграфе». Кроме того, согласно статьям 16 и 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «эксперт обязан: провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела...», отразив при этом в своем заключении «...содержание и результаты исследований с указанием примененных методов»¹¹. Таким образом, отсутствие в заключении эксперта результатов анализа материалов уголовного дела (с указанием примененных методов и полученных результатов) является грубой методической и юридической ошибкой.

По мнению автора настоящей статьи, значимой юридической ошибкой при производстве исследований и экспертиз с использованием полиграфа является выход специалиста (эксперта) за пределы компетенций данного вида исследований (экспер-

тиз), за пределы специальных знаний специалиста и эксперта.

Часто «эксперты-полиграфологи» берутся за разрешение вопросов, имеющих правовой характер, вторгаясь в компетенцию суда. Примеры таких вопросов следующие: «Выявляются ли в ходе исследования с использованием полиграфа психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что гражданин... причастен к совершению преступления?»; «Выявляются ли... реакции, свидетельствующие об участии подэкспертного в преступлении?»; «Выявляются ли в ходе психофизиологической экспертизы... реакции, свидетельствующие о том, что события преступления... действительно имели место?»; «Выявляются ли в ходе экспертизы... реакции, свидетельствующие о том, что гражданин добровольно и правдиво изложил в ходе допроса обстоятельства преступления?»; и т.д.

Вопросы подобного рода предполагают выявление обстоятельств, подлежащих доказыванию (в частности, существования самого события преступления, участия гражданина в преступлении, правдивости показаний и т.д.), и поэтому не входят в компетенцию эксперта.

В соответствии со статьей 74 УПК РФ заключение эксперта является источником сведений, на основе которых наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, устанавливает суд.

Судебная экспертиза по уголовным делам не компетентна решать вопросы правового характера: о правдивости или ложности показаний, о наличии (отсутствии) самого факта преступления, о действиях подэкспертного в момент преступления и т.д.¹²

Согласно статье 16 ФЗ «О ГСЭД» при получении постановления о назначении экспертизы с вопросами вышеобозначенного типа эксперт («полиграфолог») обязан составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение по разрешению таких вопросов и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, так как поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта и не входят в его компетенцию.

Грубой ошибкой при производстве экспертизы с применением полиграфа является формулирование экспертных выводов, не обоснованных результатами исследования.

Так, в анализируемых заключениях часто не производилось исследований с целью получения выводов на такой вопрос, поставленный перед экспертом: «Вследствие отражения каких обстоя-

⁹ Постановление Минтруда РФ от 21 августа 1998 г. № 37 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих». URL: <https://base.garant.ru/180107>

¹⁰ См., напр.: Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 1 (13); Варламов В.А., Варламов Г.В., Комиссарова Я.В. Составление заключений по материалам психофизиологических исследований. М., 2009; Инструментальная «детекция лжи»: академический курс / С.И. Оглобин, А.Ю. Молчанов. Ярославль, 2004.

¹¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871

¹² См.: Постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2. С. 9; Комментарий к статье 195 УПК РФ // Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. СПб.: Питер, 2003. 1008 с.

тельность могла быть получена подэкспертным информантом об обстоятельствах расследуемого преступления, могла ли данная информация быть получена в момент события преступления?». Для формулирования вывода на этот вопрос необходимо задавать подэкспертному «на полиграфе» соответствующие вопросы о времени, месте и источниках получения информации о расследуемом событии. Однако часто «полиграфологи» этого не делают, формулируя вывод на данный вопрос на основе мифической «комплексной оценке результатов экспертизы». Такой подход полностью игнорирует положения статьи 8 ФЗ «ОГСЭД» о необходимости проведения экспертизы «в полном объеме» и является серьезным нарушением не только юридических, но и научных, методических требований к производству экспертных выводов.

Серьезная юридическая ошибка при производстве судебной экспертизы с использованием полиграфа проявляется в том случае, когда «полиграфолог» с целью получения от подэкспертного лица правдивой информации по делу сообщает подэкспертному заведомо ложную информацию о принципах работы полиграфа и о его диагностических возможностях. Так, при анализе видеозаписей производства исследований и экспертиз с использованием полиграфа, было выявлено, что «полиграфологи» в рамках так называемой «предтестовой беседы» говорили испытуемому о том, что «полиграф выявляет ложь», «полиграф невозможно обмануть», «на полиграфе сразу видно реакции человека на правду и на ложь» и т.д. В ходе непосредственного «тестирования на полиграфе» полиграфологи иногда оказывали на испытуемого психологическое воздействие фразами, содержащими ложную информацию: «Я по полиграфу вижу, что Вы врете», «Ваши реакции на полиграфе противоречат Вашим словам» и т.д.

Как уже пояснялось в данной статье, регистрируемые полиграфом физиологические реакции могут быть детерминированными разнообразными факторами. При этом ложь, как «феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей»¹³, напрямую влияния на физиологические процессы организма человека не оказывает. Поэтому только по физиологической реакции человека невозможно определить ложность / правдивость его высказываний, и тем более сам полиграф, как прибор, никакую ложь выявить не может. Утверждая обратное, «полиграфолог» обманывает испытуемого, грубо нарушая при этом положения статьи 31 ФЗ «ОГСЭД», согласно которой любой обман при производстве судебной экспертизы в отношении живых лиц запрещен¹⁴.

Еще более грубой юридической ошибкой специалиста при производстве исследования (экспертизы) с использованием полиграфа является причинение обследуемому лицу болевых ощущений, а также допущения неприятных ощущений в виде «затекания» и «онемения» верхних и нижних конечностей, шейного и поясничного отдела позвоночника при длительной статической нагрузке.

Болевые ощущения возникают у испытуемого при использовании манжеты датчика артериального давления в случае чрезмерного нагнетания специалистом воздуха в манжету и неправильной ее фиксации. Как следует из анализа видеозаписей исследований и экспертизы с использованием полиграфа, в некоторых случаях испытуемые (подэкспертные) прямо жаловались специалисту на болевые ощущения от манжеты, ощущения «затекания» и «онемения» той руки, на которую устанавливался датчик артериального давления, однако «полиграфологи» данные жалобы игнорировали, либо просили испытуемых «потерпеть».

Также болевые ощущения, ощущения дискомфорта в виде «затекания» и «онемения» в областях верхних и нижних конечностей, шейного и поясничного отдела позвоночника могут возникать при длительном нахождении испытуемого в сидячем положении, при отсутствии перерывов в ходе непосредственного «тестирования на полиграфе», тем более что в это время испытуемый вынужден выполнять требования специалиста сидеть спокойно, не делая лишних движений.

Совершение полиграфологом действий, приводящих к испытыванию обследуемым лицом болевых ощущений, ощущений физического дискомфорта и неблагополучия, является грубым нарушением правовых норм, содержащихся в статье 21 Конституции Российской Федерации¹⁵ и в статье 9 УПК РФ¹⁶.

Достаточно распространенной ошибкой при производстве экспертиз с использованием полиграфа является нарушение требования части 3 статьи 204 УПК РФ — отсутствие в приложениях к заключению эксперта графиков полиграмм или приложение их в виде электронного файла, который невозможно прочитать без наличия соответствующего программного обеспечения.

В случае производства экспертизы с использованием полиграфа лицом, не являющимся государственным экспертом, часто в анализируемых заключениях проявлялась такая ошибка, как отсутствие на заключении эксперта печати, удостоверяющей подпись эксперта, необходимость которой также регламентирована статьей 204 УПК РФ¹⁷.

К техническим ошибкам производства исследований и экспертиз с использованием полиграфа можно отнести следующее: неправильное закрепление датчиков полиграфа и (или) некорректно

¹³ Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 195.

¹⁴ Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871

¹⁵ Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2016. С. 11.

¹⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: на 1 марта 2019 года. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 143.

¹⁷ Там же.

выполненная настройка записи полиграммы; неправильное расположение видеокамеры, фиксирующей ход исследования (отсутствует видеозапись полиграмм, аудиозапись неразборчива); нарушения требований к температуре воздуха и к звукоизоляции помещения, в котором проводится исследование; ошибки (опечатки), несогласованные предложения, небрежности оформления текста заключения и т.д. Указанные технические ошибки негативно влияют на качество фиксации физиологических реакций испытуемого, затрудняют их анализ и формулирование валидных выводов по резуль-

татам исследования, а также в целом существенно снижают юридическую значимость заключения специалиста или эксперта.

Автор надеется, что обозначение в статье ошибок, возникающих при производстве исследований и экспертиз с использованием полиграфа, позволит соответствующим специалистам, заказчикам и участникам своевременно предпринимать адекватные меры по их недопущению, что будет способствовать дальнейшему научному и практическому развитию метода психодиагностического исследования с использованием полиграфа.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Тактика назначения криминалистических исследований с применением полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений / Д.В. Белых-Силаев, А.А. Топорков // Юридическая психология. 2019. № 2. С. 12–16.
2. Данилова Н.Н. Психофизиология : учебник для вузов / Н.Н. Данилова. Москва : Аспект Пресс, 1999. 372 с.
3. Инструментальная «детекция лжи» (проверки на полиграфе) : академический курс / С.И. Оглоблин, А.Ю. Молчанов. Ярославль : Ньюанс, 2004. 464 с.
4. Психология : Словарь / под общей редакцией А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Политиздат, 1990. 494 с.
5. Свободный Ф.К. Судебная психологическая экспертиза информированности личности о расследуемом событии : учебное пособие / Ф.К. Свободный. Барнаул, 2015. 180 с.
6. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под редакцией А.В. Смирнова. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 1008 с.
7. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и его естественнонаучные основы / Ю.И. Холодный // Вестник криминалистики. 2005. № 1 (13). С. 39–48.

Уважаемые коллеги!

Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова» совместно с Издательской группой «Юрист» и Российским профессорским собранием приглашает вас принять участие в Международной научно-практической конференции «**Цифровизация в эпоху развития современного общества**», которая состоится **9 апреля 2020 года** в Центральном доме ученых РАН по адресу: г. Москва, улица Пречистенка, д. 1.

В РАМКАХ КОНФЕРЕНЦИИ БУДУТ РАБОТАТЬ СЛЕДУЮЩИЕ СЕКЦИИ:

- «Актуальные проблемы правоприменения на современном цифровом этапе развития общества»;
- «Инновационные подходы к управлению в эпоху цифровой экономики»;
- «Языки в эпоху глобализации и проблема сохранения национального достояния»;
- «Журналистика в современной цифровой среде»;
- «Психолого-педагогические аспекты цифровизации общества».

Форма участия в конференции – очная.

Желающим выступить с научным докладом необходимо сообщить тему и прислать аннотацию до **25 марта 2020 года** по адресу электронной почты: impe.griboedova@mail.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать:

а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;

б) название статьи с переводом на английский язык;

в) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);

г) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний);

д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);

е) контактный телефон (для редакции);

ж) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторского экземпляра).

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию аспирантам и соискателям необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8(495) 953-91-08**

или по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

**Адрес редакции: 115035, г. Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.**